В-61

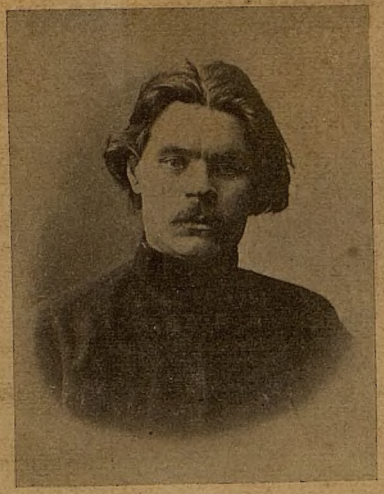
Мельхіоръ де-Вогюэ.

Максимъ Горькій.

Произведенія и личность писателя.

Съ портретомъ

Переводъ А. Б. Ф.



Цѣна 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. В. Пирожкова, Невскій, 88,
„Литературная Книжная Лавка".
1902.

М. В. ПИРОЖКОВЪ и К°.

Спб., Невскій пр., 88.

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ:

Андреевичъ. *Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ.* Съ 2 портр. 1900 г. **1** р. **50** к.

Андреевскій, С. А. *Литературные очерки* (3-е дополненное изд. „Литературныхъ чтеній"). Спб. 1902 г. **1** р. **50** к.

Гиппіусъ, З. (Мережковская). *Третья книга разсказовъ.* 1902 г. **2** р.

Канадѣевъ, И. Н. *Очерки закавказской жизни.* Томъ I. Спб. 1902 г. **2** р.

Крутиковъ, Ѳ. П. *Пособіе для полнаго рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе,* помѣщенныхъ въ пріемной программѣ Инст. Инжен. Путей Сообщ. 1899 г. **1** р.

Кузнецовъ, Н. И., секретарь Воронежской Губ. Земской Управы. *Систематическій сводъ указовъ* Правительствующаго Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Спб. 1902 г. **4** р.

Литературное дѣло. *Сборникъ.* Спб. 1902 г. **2** р. **25** к.

Метерлинкъ, М. *Жизнь пчелъ.* Пер. съ франц. К. М. Зиновьевой и Э. В. Яковлевой. 1902 г. **80** к.

Мялицынъ. *Краткій учебникъ зоологіи* для среднихъ учебныхъ заведеній. 1900 г. **90** к.

Петерсенъ, Ю. *Методы и теоріи для рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе.* Перевелъ Ѳ. П. Крутиковъ. 1892 г. **70** к.

Н. И. ПОЗНЯКОВЪ.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. **допущены** въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

(Для школъ и народа).

На бѣдность.	1902 г.	5 к.	Вѣсть.—Суета.	1902 г.	5 к.
Незнакомецъ.	„	„	Заломъ.	„	„
Револьверъ.	„	„	Двѣ милостыни.	„	„
Первый визитъ.	„	„	Переполохъ.	„	„

Таннери, П. *Первые шаги древне-греческой науки.* Пер. съ франц. съ предисловіемъ проф. **А. И. Введенскаго** и *съ переводомъ сохранившихся отрывковъ изъ сочиненій греческихъ философовъ* до **Платона.** Спб. 1902 г. **2** р.

Церетели, Е. *Елена Іоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева, польская.* Спб. 1898 г. **1** р. **50** к. Рек. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундам. и ученич. библ. всѣхъ среднихъ учеб. завед. и одобрена для учит. библ. всѣхъ низшихъ училищъ и для безплатн. нар. читаленъ и библіотекъ.

Чебышевъ, П. Л. *Теорія сравненій.* Спб. 1901 г. **2** р. 3-е изданіе. Изданіе О-ва вспомощ. студентамъ Спб. Университета. Настоящее изданіе исправлено противъ прежняго академикомъ **А. Марковымъ,** при чемъ особенное вниманіе было обращено на таблицы. Книга отпечатана въ типографіи Имп. Акад. Наукъ и на отличной бумагѣ.

Чевакинскій, А. *Учебная книга сравнительной всеобщей географіи.* 1901 г. **1** р.

Шопенгауэръ, А. *Міръ какъ воля и представленіе.* Популярное изложеніе съ введеніемъ В. М. Голикова. 1902 г. **60** к

В-61
Б. М. I 8. 19
N10

Мельхіоръ де-Вогюэ.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ И ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ.

Съ портретомъ.

1998

Переводъ **А. Б. Ф.**

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

2921/8.11

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. В. Пирожкова, Невскій, 88,
„Литературная Книжная Лавка".
1902.

Дозв. ценз. Спб., 22 октября 1902 г.

Типографія А. Е. Колпинскаго. Конная 3—5.

Максимъ Горькій.

Произведенія и личность писателя.

М. Горькій: *Разсказы* (Собраніе сочиненій), 4 т., изданіе товарищества *„Знаніе“*, С.-Петербургъ, 1901.—В. Ѳ. Боцяновскій: *Максимъ Горькій, критико-біографическій этюдъ*, 1 т., типографія Суворина. С.-Петербургъ, 1901.

Я хотѣлъ бы вернуться теперь въ громадный, темный русскій лѣсъ. Онъ манитъ меня издалека: длинный путь прошелъ я съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, — лѣсъ скрытъ въ туманѣ протекшихъ лѣтъ. Что говорятъ, что думаютъ тамъ? Нашлись ли новыя слова на старые, грустные напѣвы, повторяемые милліонами голосовъ каждую ночь, на рѣкахъ и въ степи, съ надрывающимъ душу оттѣнкомъ безрадостной страсти? Дыханіе дремлющаго гиганта, оно одно указываетъ, что бьется его молчаливое сердце.

Западъ думаетъ, что онъ знаетъ нѣчто о Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ мы чаще бродимъ по опушкѣ лѣса. Съ поверхности до насъ долетаетъ немного болѣе слуховъ, нежели прежде: слухи отъ горсточки людей, говорящихъ и движущихся надъ молчаливыми, неподвижными массами; вѣщанія прессы, оф-

фиціальныя сообщенія, мелочи политической жизни, разговоры чиновниковъ высшей сферы... Ихъ такъ мало, русскихъ, говоръ которыхъ долетаетъ до насъ; вѣрнѣе, ихъ вовсе нѣтъ. Намъ хотѣлось бы ближе узнать народъ, а о немъ мы знаемъ теперь не больше, нежели пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Въ началѣ одной изъ своихъ повѣстей авторъ, съ которымъ я намѣренъ васъ познакомить, разсказываетъ, какъ онъ изъ газеты узналъ о смерти друга своего, мужика Коновалова, покончившаго самоубійствомъ въ тюрьмѣ; при этомъ онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Краткая замѣтка была напечатана петитомъ,—сообщенія о гибели маленькихъ людей принято печатать мелкимъ шрифтомъ.“—Вся исторія огромнаго русскаго народа записана изо дня въ день, въ дни, когда запись ведется, на тѣхъ строкахъ, которыя въ газетахъ печатаются мелкимъ шрифтомъ: лица, снабжающія европейскую печать свѣдѣніями о Россіи, въ эти строки никогда не заглядываютъ.

Только немногіе писатели могутъ удовлетворить наше любопытство: писатели, признанные народомъ за то, что они умѣютъ выражать безотчетныя стремленія большинства своихъ согражданъ. Но вотъ уже скоро двадцать лѣтъ, какъ такого писателя нѣтъ среди русскихъ литераторовъ, — не говоря о Толстомъ, конечно. Да не оскорбится Россія констатированіемъ этого факта, о немъ говорятъ всѣ ея критическія статьи, жалуясь на эпоху, которую сами называютъ „сѣренькой“. Пріятные, но кратковременные цвѣты прикрываютъ безплодную, отдыхающую почву; надъ землею, скрывшею въ нѣдрахъ

своихъ великихъ людей, высится лишь одинъ старый дубъ и покрываетъ ее своею дивною листвою.

На этихъ дняхъ, подъ впечатлѣніемъ грустныхъ извѣстій, цивилизованный міръ боялся потерять человѣка, которымъ онъ гордится, хотя этотъ человѣкъ его же осуждаетъ. Есть надежда, что роковой конецъ отсроченъ. Левъ Толстой продолжаетъ творить. Возрастъ не притупилъ остроты взгляда, который душу узнаетъ по движенію; проницательность его видна и на страницахъ *Воскресенія*. Но зачѣмъ апостолъ-реформаторъ такъ часто застилаетъ художника? Толстой все болѣе и болѣе уподобляется нашему Руссо: онъ хочетъ поучать людей и силится найти то религіозное ученіе и тотъ общественный строй, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ его взглядамъ. Его вліяніе огромно, скажутъ мнѣ; я охотно этому вѣрю; но именно потому, что онъ поучаетъ съ высоты, онъ не знаетъ, что творится въ тайникахъ, скрывающихъ запросы общества; онъ служилъ вѣрнымъ зеркаломъ предыдущихъ поколѣній, а потому можно сомнѣваться, отражаетъ ли онъ и новыя такъ же точно. Вспомните Виктора Гюго: ему въ старости почтительно воскуряли ѳиміамъ, онъ занималъ высшее почетное мѣсто; онъ продолжалъ быть представителемъ Франціи въ литературномъ мірѣ, но не представителемъ умовъ, искавшихъ новые пути, новый идеалъ. Неумолимое требованіе времени не щадитъ ничьего господства; властелины перемѣнчивой мысли оправдываютъ болѣе другихъ слово баснописца: господство ихъ устанавливается поздно и длится мало. Справедливое удивленіе удерживаетъ за ними

высшее почетное мѣсто, но картина новыхъ временъ ускользаетъ отъ ихъ пера.

Среди соискателей великаго наслѣдства на одно мгновеніе блеснули имена молодыхъ талантовъ, Потапенки и Короленки: казалось, какъ на то указываютъ имена, что Малороссія оспариваетъ у старшей сестры своей право на новую литературную династію. Въ данное время Чеховъ лучше другихъ приводитъ въ отчаяніе публику, желающую приходить въ отчаяніе, жестокими и мрачными изображеніями жизни. Публика особенно довольна театральными пьесами: я не имѣлъ удовольствія ихъ видѣть, поэтому не берусь о нихъ говорить.

Но явился соперникъ, оспаривающій у него первенство. Быстро, какъ молодая листва короткою русскою весною, прочно установилась слава Максима Горькаго, менѣе, нежели черезъ три года послѣ появленія его перваго тома. У него есть ревностные сторонники въ Россіи, его повѣсти начинаютъ переводить за границей. Критики, не раздѣляющіе общаго увлеченія, какъ г. Меньшиковъ, напримѣръ, думаютъ, что успѣхъ его лежитъ въ оригинальности самого автора: Горькій—самоучка, человѣкъ, ничего не получившій отъ школы, съ трудомъ самъ себѣ давшій образованіе въ перерывахъ между ручнымъ трудомъ. Онъ внезапно всплылъ со дна народнаго, которое описываетъ. Такіе таланты, лишенные систематичнаго образованія, обладаютъ иногда своеобразною прелестью и проявляются со всей первобытной силой народа, ихъ породившаго: Вельо, Прудонъ служатъ тому примѣрами. Явленіе это встрѣчается въ Россіи чаще, нежели у насъ; въ литера-

турныхъ трудахъ Горькаго оно сказывается какъ-то особенно вызывающе и тѣмъ возбуждаетъ народное любопытство.

Я только что прочелъ четыре тома, въ которыхъ собраны произведенія этого молодого, но плодовитаго труженика: небольшіе разсказы, болѣе длинныя повѣсти, все, что онъ напечаталъ за нѣсколько лѣтъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Критико-біографическій этюдъ г. Боцяновскаго—у Горькаго есть уже біографы — знакомитъ насъ съ авторомъ, какъ съ человѣкомъ, и съ его жизнью. Отвѣтственность за свѣдѣнія объ этой подвижной жизни я слагаю съ себя на моего превосходнаго руководителя.

Каково же значеніе писателя, отъ котораго такъ многаго ожидаютъ его почитатели? Что связываетъ его съ великими предшественниками и чѣмъ онъ отличается отъ нихъ? Что даетъ онъ новаго и что вноситъ въ народъ, выразителемъ котораго его считаютъ? Вотъ что насъ особенно интересуетъ, и что я попробую выяснить.

I.

Настоящее имя его Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ. Имя мертворожденное, которое останется навсегда погребеннымъ въ приходскомъ спискѣ. Русь знаетъ своего молодого любимца лишь подъ псевдонимомъ: Максимъ Горькій (Maxime l'Amer). Горько было въ дѣйствительности его дѣтство. Онъ родился въ 1869 году въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ лавкѣ красильщика. Его происхожденіе особенно

интересно для смѣлыхъ психологовъ, которые въ большихъ способностяхъ ищутъ туманные признаки вырожденія. Дѣдъ его по отцу, офицеръ одного изъ сибирскихъ армейскихъ корпусовъ, такъ грубо обращался съ солдатами, что былъ разжалованъ императоромъ Николаемъ. Неумолимый тиранъ заставилъ бѣжать своего собственнаго сына; юноша пѣшкомъ покинулъ Тобольскъ, добрался до Нижняго и жилъ бѣднымъ ремесломъ. Отецъ Горькаго женился „самокруткой“, противъ воли семьи, на дочери богатаго торговца. Этотъ дѣдъ съ материнской стороны былъ вначалѣ простымъ бурлакомъ и составилъ состояніе благодаря уму своему и волѣ. Писатель поминаетъ его въ своемъ *Фомѣ Гордѣевѣ*; онъ заимствуетъ у него черты нравовъ, характеризующихъ старыхъ московскихъ купцовъ.

Богачъ раззорился, отецъ и мать Алексѣя умерли, оставивъ малолѣтняго сироту. Покинутый всѣми своими близкими, ребенокъ былъ взятъ изъ школы, въ которой провелъ всего лишь пять мѣсяцевъ, и отданъ въ ученіе къ сапожнику. Не выдержалъ онъ ученія. Инстинктъ бродяжничества и духъ нищеты скоро увлекли маленькое существо на просторъ Волги.

Начиная съ этого дня, можно сказать, воображеніе Горькаго приковывается къ этимъ поистинѣ материнскимъ водамъ и черпаетъ въ нихъ богатый матеріалъ для своихъ мечтаній. Онъ нашелъ свою избранную отчизну, единственную, съ которой душа его никогда не порветъ связи. Онъ нашелъ ее на берегахъ, среди которыхъ течетъ огромная водная равнина, вышедшая изъ огромныхъ лѣсовъ, чисто

русская вода, величественная и дикая, свободная и грустная, гостепріимная для всѣхъ бездомныхъ, не поддающаяся власти человѣка, покоряющаго рѣки; убѣжище изгнанныхъ, подвижное царство крупныхъ бунтовщиковъ, Стенекъ Разиныхъ и Пугачевыхъ; путь спасенія отъ ига законовъ, покровительница тысячи бродячихъ тѣлъ и безпокойныхъ душъ, стремящихся по волнамъ ея къ свободѣ, въ смѣлую Азію. Большинство разсказовъ, прочитанныхъ мною, происходятъ на Волгѣ, окутаны ея туманомъ, полны рокотомъ ея волнъ; дѣйствующія лица живутъ по берегамъ ея или плаваютъ на ея пароходахъ, баржахъ, плотахъ. Нигдѣ нѣтъ точнаго обозначенія мѣста: къ чему оно? Горькій рисуетъ скитальцевъ безъ роду и безъ племени. Онъ дѣлаетъ съ нихъ набросокъ въ какомъ-либо мѣстѣ пространства, не давая себѣ труда назвать это мѣсто; этюдъ пейзажа, обычай, мѣстное нарѣчіе переносятъ насъ на Волгу, между Астраханью и Нижнимъ. Онъ покидаетъ рѣку лишь для моря, своей второй страсти, описываетъ его неутомимо, рисуетъ его чарующее дѣйствіе, вселяющее смѣлость и духъ независимости въ тѣ хищныя или несчастныя существа, съ которыми онъ бродитъ по песчанымъ берегамъ и жизнь которыхъ онъ разсказываетъ намъ. Волга и море, двѣ его воспитательницы, рано развили въ немъ любовь къ природѣ; онѣ пробудили въ немъ тотъ источникъ поэзіи, въ который онъ погружается вновь по выходѣ изъ тины людской, свойственной его безпощадному реализму.

Поступивъ поваренкомъ на одинъ изъ рѣчныхъ пароходовъ, мальчикъ попалъ въ руки неожидан-

наго учителя, пароходнаго повара. Михаилъ Смурый, унтеръ-офицеръ въ отставкѣ, колоссъ необыкновенной силы и человѣкъ сварливый, страстно любилъ чтеніе. У него былъ старый сундукъ съ книгами: смѣшанная библіотека, въ которой Гоголь и Некрасовъ занимали мѣсто наравнѣ съ житіями святыхъ, *Камнемъ вѣры*, народными романами и отрывками изъ русской исторіи. Смурый привилъ свой вкусъ и неискусному поварёнку: въ послѣднемъ проснулось горячее любопытство къ печатному слову. Воображеніе унесло его на крыльяхъ своихъ въ волшебныя страны, вставшія со дна стараго сундука: ему открывался новый міръ, гдѣ все совершенно и прекрасно, міръ, гдѣ святые творятъ чудеса, а герои исторіи и романа совершаютъ баснословные подвиги.

Поваръ посвятилъ будущаго писателя въ романтизмъ и лирику, а жизнь учила его реализму. Она рѣзко указывала ему, что дѣйствительность не чета мечтѣ. Своеобразіе Горькаго закалилось въ этихъ рѣзкихъ, мучительныхъ контрастахъ, между высокими порывами, подъ впечатлѣніемъ первыхъ книгъ, и условіями его существованія. Судьба рано и надолго завербовала его въ отрядъ бездѣльниковъ, босяковъ, бѣглецовъ, всѣхъ отбросовъ общества, въ пѣвца и хоругвеносца которыхъ онъ обратился. Въ юности онъ жилъ среди подонковъ русскаго народа, руководящимъ образцомъ ему служили бродяги: онъ вмѣстѣ съ ними всесторонне изучаетъ нужду, научается воровскому ремеслу, которое рѣдко доставляетъ пріютъ и одежду, лишь иногда, и то не всегда, кусокъ хлѣба и рюмку водки. Судьба его,

повидимому, опредѣлена: онъ долженъ стать однимъ изъ волжскихъ скитальцевъ съ легкой совѣстью, готовымъ за нѣсколько копѣекъ на всякое дѣло, завсегдатаемъ кабака и кандидатомъ на тюремное заключеніе.

Но поиски за хлѣбомъ насущнымъ съ уловками, заимствованными у хищныхъ звѣрей, не удовлетворяютъ души его, чтеніе пробудило въ немъ жажду знаній. Шестнадцати лѣтъ онъ возвращается въ Казань, университетскій городъ; „свирѣпое желаніе“, говоритъ онъ, толкало его въ тотъ міръ мыслей, который онъ узрѣлъ издалека. Онъ наивно думалъ, что стоитъ лишь пожелать, что „науки желающимъ даромъ преподаются“. Узнать истину было недолго: оказалось, что „оное не принято“, и Горькій поступилъ подручнымъ пекаря въ хлѣбопекарню, вѣрнѣе, къ „крендельщику“, изготовляющему твердые кренделя, до которыхъ такъ лакомъ народъ.

Воспоминанія Горькаго объ этомъ времени вылились въ одну изъ лучшихъ его повѣстей, подъ названіемъ „*Коноваловъ*“. Нотка правды, звучащая въ разсказѣ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что очеркъ этотъ—автобіографическій. Коноваловъ—пекарь, работающій вмѣстѣ съ нимъ; это типъ безземельнаго мужика, образъ котораго у Горькаго встрѣчается часто: большой философъ и большой пьяница, искатель приключеній, безпокойный, съ постояннымъ позывомъ въ иные края, прочь изъ настоящихъ условій, неспособный подчиниться и сохранить мѣсто, даже если оно хорошо.—„Зачѣмъ родился я съ такой шеей, на которую ни одинъ хомутъ не подходитъ?“ съ грустью

восклицаетъ онъ *). Въ часы отдыха, пока крендели стоятъ въ печи, иногда до поздней ночи, подручный читаетъ вслухъ своему пріятелю. Онъ изучаетъ, какъ просыпается любопытство въ этомъ нетронутомъ умѣ; чувствуется, что онъ переноситъ впечатлѣніе и описываетъ свое собственное пробужденіе, когда Смурый вводилъ его въ царство воображенія. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя его наиболѣе сильно волнуютъ—особенно, въ исторіи Стеньки Разина главы бунтовщиковъ, въ которомъ Коноваловъ и подобные ему видятъ эпическаго героя,—безграмотный проситъ разъ двадцать повторить то же мѣсто, устремляетъ горящіе глаза въ книгу, проситъ показать, гдѣ это напечатано; онъ спрашиваетъ, — и эта черта взята изъ жизни: — „А буквы тѣ же самыя, какъ и всѣ другія?“ — Вотъ какимъ образомъ, въ глубинѣ подвала, въ которомъ помѣщается булочная, въ тишинѣ ночной, при свѣтѣ утренней зари, пробуждается русское народное мышленіе.

Я лежалъ на мѣшкахъ съ мукой и сверху внизъ смотрѣлъ на его могучую бородатую фигуру, богатырски раскинувшуюся на рогожѣ, брошенной около ларя. Пахло горячимъ хлѣбомъ, кислымъ тѣстомъ, углекислотой... Свѣтало, и въ стекла оконъ, покрытыя пленкой мучной пыли, смотрѣло сѣрое небо. Грохотала телѣга, и пастухъ игралъ, собирая стадо...

Въ праздники оба товарища уносили книгу съ собою въ поля, на крутой берегъ рѣки. Но, растянувшись на травѣ, они скоро прекращали чтеніе,—

*) Это не подлинныя слова Коновалова, а замѣчаніе, которое бросаетъ ему хохолъ, работающій съ нимъ на берегу Чернаго моря. Впрочемъ, слова, характерныя для Коновалова. *Прим. перев.*

„Максимъ, давай въ небо смотрѣть!—Максимъ! Айда на Кубань!“ говорилъ Коноваловъ. Очарованные природой, они предавались неяснымъ мечтаніямъ. На прогулкахъ они часто доходили до расположеннаго среди поля большого, мрачнаго покинутаго дома, полуразрушеннаго и окруженнаго лужами. Этотъ домъ служилъ убѣжищемъ очень смѣшанному обществу, бродягамъ, безработнымъ, оборванцамъ, не имѣвшимъ другого пріюта въ городѣ, темнымъ лицамъ, нелюбимымъ полиціею. Булочники угощали водкой, бродяги отплачивали имъ разсказами о своихъ приключеніяхъ, разсказами болѣе фантастическими и удручающими, нежели любая повѣсть. Здѣсь Горькій собиралъ тотъ матеріалъ, которымъ онъ воспользовался позднѣе для одного изъ наиболѣе хваленыхъ разсказовъ своихъ: „*Бывшіе люди*“. Однажды бесѣда была прервана облавой полиціи; и разсказчики, и слушатели ночевали вмѣстѣ въ части.

Но молодой человѣкъ имѣлъ и лучшія связи, менѣе безопасныя, однако, для его покоя. Въ кружкахъ студентовъ онъ наслушался мыслей, бродящихъ въ этой бѣдной, но горячей средѣ. Тургеневъ и Достоевскій описали намъ это тяжкое недомоганіе молодежи, разъѣденной думами, лишенной радости, лихорадящей отъ физическихъ лишеній и нравственныхъ страданій, кипящей и ворчащей, какъ самоваръ, около котораго они собираются, чтобы заглушить свой голодъ чаемъ и перестроить воображаемый міръ въ облакахъ пара и дыма. Все это нетронутые умы, не отягченные преданіями, на которые быстрое знакомство съ наукою дѣйствуетъ крайне возбуждающе. Горькій заразился отъ нихъ: въ при-

тонѣ проходимцевъ онъ ньянѣлъ отъ водки; здѣсь— отъ отвлеченныхъ разсужденій. Не трудно себѣ представить его ужасъ и протестъ живой души, когда надо было мѣнять философствующій кружокъ на погребъ булочника.

Онъ позднѣе изобразилъ это состояніе въ разсказѣ „*Однажды осенью*“, гдѣ горечь воспоминанія плохо скрашивается насмѣшкой. Онъ разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ злополучныхъ дней, который ему пришлось пережить въ восемнадцать лѣтъ. Онъ бродилъ вечеромъ по рѣчной пристани, голодный, въ поискахъ за чѣмъ-либо съѣстнымъ. Въ сторонѣ торчитъ торговый ларь, замкнутый, но оставленный безъ присмотра. Нѣтъ ли въ немъ чего-нибудь съѣстного? Вдругъ въ тѣни онъ замѣчаетъ фигуру, уличную дѣвку, какъ и онъ мучимую голодомъ. Она предлагаетъ ему взломать ларь. Онъ срываетъ затворъ, она проскальзываетъ въ отверстіе, приноситъ старую корку хлѣба; и оба принимаются ее глодать, сидя подъ опрокинутой лодкой, которая служитъ имъ до утра убѣжищемъ отъ холоднаго дождя Молодой человѣкъ дрожитъ отъ лихорадки, а дѣвушка прижимается къ нему, чтобы согрѣть его. Не ожидайте игривой развязки, описаніе ночи вполнѣ пристойно: два существа, соединенные нуждою, страдаютъ бокъ о бокъ, какъ волкъ и волчица въ капканѣ.

Сколько было ироніи надо мной въ этомъ фактѣ! Подумайте!—Вѣдь я въ то время былъ серьезно озабоченъ судьбами человѣчества; мечталъ о реорганизаціи соціальнаго строя, о политическихъ переворотахъ, читалъ разныя дьявольски-мудрыя книги, глубина мысли которыхъ, навѣрное, недосягаема была

даже для авторовъ ихъ,—я въ то время всячески старалея приготовить изъ себя „крупную общественно-активную силу“. Мнѣ казалось даже, что отчасти я уже выполнилъ мою задачу; во всякомъ случаѣ въ то время я въ представленіяхъ о себѣ самомъ уже доходилъ до признанія за собой исключительнаго права на существованіе, какъ за величиной для жизни необходимой и вполнѣ способной сыграть въ ней крупную историческую роль! И меня-то согрѣвала своимъ тѣломъ продажная женщина, несчастное, избитое, загнанное существо, которому нѣтъ мѣста въ жизни и нѣтъ цѣны, и которому я не догадался помочь раньше, чѣмъ она мнѣ помогла сама, а еслибъ догадался, то едва ли бы сумѣлъ дѣйствительно помочь ей чѣмъ-нибудь.

Лихорадочная дѣятельность мысли въ организмѣ, истощенномъ голодовками, заставила его искать смерти. Девятнадцати лѣтъ Горькій рѣшилъ, что не стоитъ жить, и выстрѣломъ хотѣлъ покончить съ собою. — „Прохворавъ, сколько требовалось“, говоритъ онъ добродушно, „я ожилъ, дабы приняться за торговлю яблоками“.—Побуждаемый все тѣмъ же непреодолимымъ инстинктомъ бродяжничества и чувствуя себя, какъ онъ самъ сознается, „не на своемъ мѣстѣ среди интеллигенціи“, онъ ушелъ опять на Волгу, добрелъ до Кубани, побылъ на Кавказѣ, прошелъ затѣмъ все побережье Чернаго моря. Онъ работалъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ, бечевщикомъ, грузчикомъ, работникомъ на рыбныхъ промыслахъ, солеварняхъ, докахъ и морскихъ верфяхъ; онъ пріобрѣлъ широкій опытъ во всѣхъ работахъ, на которыя берутъ прохожихъ; онъ завелъ дружбу съ личностями подозрительными, но живописными и своеобразными, которыя доставили ему неистощимый запасъ образ-

цовъ; съ другой стороны, онъ воспринялъ рядъ поэтическихъ образовъ природы, которые послужили ему рамкой для пошлыхъ предметовъ. Таковы были его университетскіе годы: высшее образованіе, недоступное для него съ Казанской каѳедры, Горькій получилъ отъ профессоровъ, читающихъ на проѣзжей дорогѣ.

Писательскій духъ заговорилъ въ немъ. Первые опыты свои онъ написалъ въ 1892 году и помѣстилъ ихъ въ одной изъ провинціальныхъ газетъ. Въ слѣдующемъ году Короленко встрѣтилъ его въ Нижнемъ и живо заинтересовался новичкомъ.—„Скажите“, отвѣтитъ онъ позже біографамъ, которые обратятся къ нему за справками,—„скажите, что первымъ учителемъ Горькаго былъ солдатъ—поваръ Смурый; вторымъ — адвокатъ Ланинъ; третьимъ—Александръ Калюжный, человѣкъ „внѣ общества“, четвертымъ—Короленко“.

Благодаря этому покровителю петербургскіе журналы стали доступны молодому неизвѣстному писателю, неизвѣстному шесть лѣтъ тому назадъ, обсуждаемому всей критикой при появленіи въ продажѣ перваго собранія *Разсказовъ*, въ 1898 году. Критика колебалась, отзывалась сдержанно, спрашивала себя, не блеснетъ ли этотъ новый пришлецъ обманчивымъ метеоромъ, какъ блеснули нѣкоторые на русскомъ небосклонѣ и погасли, оставивъ въ недоумѣніи астрономовъ, поспѣшившихъ возвѣстить о новой звѣздѣ. Публика высказалась откровеннѣе: какъ и всегда, ея восторженный голосъ увлекъ за собой и критику, и скоро раздались общія похвалы, причемъ, конечно, громче всѣхъ звучали голоса, вначалѣ не призна-

вавшіе писателя. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1899 году; въ честь него устроили литературный вечеръ, молодежь брала съ бою мѣста въ огромной залѣ, а когда Горькій появился на эстрадѣ, шумныя овацiи приняли восторженный характеръ. Съ тѣхъ поръ всѣ подобныя собранія кончаются такъ же восторженно, и въ Нижній посылаются телеграммы съ выраженіемъ горячаго сочувствія. На моей книгѣ *Разсказовъ* помѣчена 20-ая тысяча—небывалое для Россіи число экземпляровъ.

Горькій такъ сильно дѣйствуетъ на толпу, потому что самъ является представителемъ героевъ изъ своихъ разсказовъ. Сильная, энергичная фигура, волосы, небрежно откинутые назадъ, крестьянская рубашка на мускулистомъ тѣлѣ—Горькій никогда не носитъ другого платья—воплощенный типъ интеллигентнаго, смѣлаго мужика, который сотни разъ попадается на его бродячемъ пути. Весною прошлаго года Рѣпинъ, современный художникъ, выставилъ портретъ писателя.—Между художникомъ и его моделью существуютъ тайныя нити; можетъ-быть, случайно, писатель даже позировалъ художнику пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда Рѣпинъ создавалъ себѣ имя картиной, полной мрачнаго реализма: *Бурлаками* на Волгѣ; налегая на бечеву, они голыми ногами, подъ лучами палящаго солнца, ступаютъ по песку. Портретъ Горькаго произвелъ сенсацію на выставкѣ: молодые посѣтители, студенты и студентки только на него и смотрѣли.

Чѣмъ снискалъ онъ ихъ расположеніе? Открылъ ли онъ имъ новый рай красоты, истины? удовле-

творилъ ли онъ ихъ тѣмъ, что ближе познакомилъ со страданіями и недостатками родины?—Поищемъ отвѣта въ его книгахъ.

II.

При поверхностномъ знакомствѣ съ первыми опытами этого даровитаго автора нельзя было бы указать, во что онъ выльется въ будущемъ: но стоитъ вникнуть въ нихъ поглубже, какъ характеръ и направленіе писателя опредѣляются вполнѣ ясно. Со страницъ, написанныхъ какъ бы въ разгаръ романтической лихорадки ученикомъ Пушкина и Лермонтова, такъ и вѣетъ анахронизмомъ: „*Макаръ Чудра*“, „*Старуха Изергиль*“, „*Ханъ и его сынъ*“... Я вспомнилъ здѣсь о русскихъ соперникахъ Байрона, которые Кавказъ и Крымъ обратили въ обѣтованную землю романтической поэзіи. Съ тѣхъ поръ у вратъ Востока стоятъ на стражѣ оба волшебника: лишь только переступаешь порогъ, въ памяти воскресаютъ ихъ стихи, для личнаго впечатлѣнія нѣтъ больше мѣста: всѣ предметы разсматриваются какъ бы сквозь призму. Естественная красота страны осѣняется ореоломъ, созданнымъ поэтами. Великіе писатели вообще придаютъ нѣкоторымъ мѣстностямъ неизмѣнный отпечатокъ, такъ что впечатлѣнія и чувства заранѣе принимаютъ извѣстную окраску; состояніе духа ихъ какъ бы сливается съ пейзажемъ, они передаютъ его въ произведеніяхъ своихъ слѣдующимъ поколѣніямъ; таковъ Неаполитанскій заливъ для читателей Ламартина. Даже Толстой, во время службы своей въ полку на берегу Терека, подчинился вла-

сти своихъ предшественниковъ: это сказалось на его „*Казакахъ*“.

Молодой Горькій попадаетъ на Кавказъ, полонъ этихъ поэтовъ; онъ глядитъ ихъ глазами, онъ переживаетъ ихъ чувства: виды и люди, нравы и преданія, порывы пылкой страсти и крики дикой гордости, все въ его разсказахъ напоминаетъ чистѣйшій байронизмъ „*Цыганъ*“ и „*Демона*“. Пастухъ Макаръ Чудра развиваетъ свою фаталистическую философію, онъ говоритъ о жестокой любви Кубанскихъ красавицъ, о красотѣ свободной жизни и о тщетности и тяжести жизни для того, кто не видитъ въ ней смысла... „Нѣтъ такого коня, на которомъ отъ самаго себя ускакать можно бъ было!..“ Въ этомъ разсказѣ слышится отголосокъ знакомаго голоса, голоса Лермонтовскаго Печорина. Точно также Изергиль—вѣрная дочь Пушкина; Алеко въ „*Цыганахъ*“ своими мечтами, стонами и криками выражаетъ тѣ же необузданныя чувства, что горятъ и въ разсказахъ старой крымской татарки. Прекрасна легенда о Ларрѣ, сынѣ дѣвушки, унесенной орломъ; онъ приноситъ отцовскіе инстинкты къ людямъ своего племени, руки его раздираютъ какъ когти грудь любимой женщины, ничто не можетъ сбить съ него дьявольскую гордость, наслѣдіе сыновей орловъ, особенно рожденныхъ около 1830 года.

Личности эти не оригинальны; условныя чувства, внушенныя имъ Горькимъ по указаніямъ отцовъ романтизма, неестественны, но восточные наброски молодого прозаика свидѣтельствуютъ о художественномъ чувствѣ и умѣньи передавать его. Сами картины устарѣли, но выполнены онѣ свѣжо и сильно, ка-

Лен. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

1498

ски ихъ ярки, образы богаты и разносторонни, чувство разсказчика глубоко и устойчиво. Описаніе вечера на берегу Крыма, когда старуха Изергиль вспоминаетъ о своихъ прежнихъ увлеченіяхъ, поистинѣ поэтично: пѣсни сборщицъ винограда, уходящихъ къ морю, вносятъ въ грустный разсказъ болѣе веселые звуки, теряющіеся въ ночи, какъ воспоминанія старухи.

Ея сухой голосъ звучалъ безъ вибраціи. Онъ хрустѣлъ, точно старуха говорила костями... Онъ звучалъ такъ, какъ будто это ропгали всѣ забытые вѣка, воплотившись въ ея груди тѣнями воспоминаній. И море тихо аккомпанировало началу одной изъ тѣхъ древнихъ легендъ, которыя, можетъ быть, создались на его берегахъ.

Авторъ влагаетъ въ уста Изергиль краснорѣчивыя, но простыя и вѣрныя сужденія.

Въ жизни, знаешь ли ты, всегда есть мѣсто подвигамъ. И тѣ, которые не находятъ ихъ для себя, тѣ просто лѣнтяи или просто трусы, или не понимаютъ жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотѣлъ бы оставить послѣ себя свою тѣнь въ ней. — Я была счастлива на это: никогда не встрѣчалась послѣ съ тѣми, которыхъ когда-то любила. Это нехорошія встрѣчи, все равно какъ бы съ покойниками...

Не глупъ тотъ, кто написалъ это.

Но Горькій не остановился на однихъ воспоминаніяхъ; вниманіе его скоро обратилось на тѣхъ товарищей по несчастью, съ которыми ему пришлось столкнуться. Поворотъ этого писателя совершенно подобенъ повороту Гоголя, его дѣйствительнаго предшественника. И пѣвецъ „*Тараса Бульбы*“ дебютировалъ историческимъ романомъ; но прирожденный даръ подсказалъ ему, что для него есть новое

поле изслѣдованія, а именно—провинціальные нравы; и если съ 1840 года онъ и не отдался чистому реализму,—въ искусствѣ, какъ и въ природѣ, нѣтъ рѣзкихъ скачковъ,—то все же онъ положилъ начало лирическому реализму: прошу прощенія за такое сочетаніе словъ, но многочисленныя страницы Бальзака, и еще болѣе Флобера, трудно опредѣлить иначе. Этотъ удивительный писатель, Гоголь, который еще не занимаетъ подобающаго ему мѣста на вершинахъ европейской литературы, охватилъ своимъ всеобъемлющимъ окомъ всѣ классы общества. Кругозоръ Горькаго ýже; только въ рѣдкихъ случаяхъ онъ смотритъ на людей, стоящихъ выше простого работника; даже изъ рабочей толпы онъ охотнѣе всего выбираетъ неудачниковъ и бѣглецовъ.

„Босяки, безпокойные люди, бывшіе люди"—эти три выраженія постоянно встрѣчаются на страницахъ Горькаго, въ оглавленіяхъ его разсказовъ, и характеризуютъ ту общественную, или скорѣе антиобщественную среду, которая его наиболѣе привлекаетъ. Это мутное водное пространство питается изъ очень различныхъ источниковъ; оно напоминаетъ тѣ болотистые луга Россіи, на которыхъ почва дрожитъ подъ ногами охотника. Вы не встрѣтите у него крестьянина, привязаннаго къ обрабатываемой имъ землѣ, того мужика, котораго Тургеневъ и иные романисты изучили такъ подробно и съ такой любовью; Горькій присматривается къ нему лишь съ того дня, какъ онъ оторвется отъ почвы и начинаетъ носиться по волѣ вѣтровъ. Несчастье, нужда, лѣнь вербуютъ повсюду членовъ этого непризнан-

наго общества; тамъ скоро всѣ пріобрѣтаютъ одинаковую физіономію; всѣ смѣшиваются и сравниваются между собою: неудавшійся студентъ, прокутившійся купецъ, бывшій чиновникъ, бывшій офицеръ.—Выборъ темъ и способъ ихъ обработки напоминаетъ часто у Горькаго нашего Жюля Валлеса и его „Непокорныхъ“ (Refractaires, par Jules Vallès).

Такова настоящая жилка Горькаго; онъ развиваетъ передъ глазами нашими иногда утомляющее изобиліе видовъ; какъ въ кинематографѣ, проходятъ передъ нами типы, впушившіе ему болѣе тридцати разсказовъ. Творчество его не мѣняется; не ждите у него ни такъ называемой завязки, ни романическаго дѣйствія, ихъ нѣтъ и слѣда даже въ „*Оомъ Гордѣевъ*“, который напоминаетъ романъ по своему объему. Онъ выхватываетъ образы изъ ежедневной жизни, рисуетъ ихъ силуэты, заставляетъ ихъ двигаться, говорить, разсуждать; ихъ психологія, вытекающая изъ рѣчей ихъ, занимаетъ извѣстное число страницъ; онъ покидаетъ ихъ такъ же быстро, какъ и подбираетъ. Кажется, что это рядъ набросковъ для будущаго большого рисунка, но тайна его художественности и состоитъ въ томъ, что каждый набросокъ составляетъ небольшую, законченную картину.

Художественность сказывается прежде всего въ выборѣ и въ превосходной обработкѣ рамки, которой онъ окружаетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Чѣмъ они вульгарнѣе и ниже, тѣмъ рѣзче Горькій оттѣняетъ ихъ красотой и мощностью природы. На помощь ему является врожденный романтизмъ, и подъ художникомъ-реалистомъ такъ и сквозитъ ли-

рикъ. Я не думаю, чтобы даже Айвазовскій, прославленный художникъ, извѣстный своими видами Чернаго моря, могъ лучше схватывать и больше любить измѣнчивую картину этого моря, во всѣ часы дня, при всякомъ освѣщеніи; но лучше мы приведемъ дословно автора.

Челкашъ—береговой разбойникъ, грабитель, нашелъ молодого парня и увлекаетъ его съ собою въ ночное похожденіе; они идутъ куда-то красть что-то; все тяжело и мрачно въ жизни этихъ людей: и планы старшаго, и ужасъ младшаго, и мысли обоихъ, которыя легко угадать, и загадочныя слова, которыми они обмѣниваются. Море и небо должны соотвѣтствовать ихъ душевному состоянію. Оба товарища выводятъ лодку изъ гавани.

Ночь была темная, по небу двигались толстые пласты лохматыхъ тучъ и море (въ докахъ) было покойно, черно и густо, какъ масло. Оно дышало влажнымъ соленымъ ароматомъ и ласково звучало, плескаясь о борта судовъ, о берегъ, и чуть-чуть покачивая лодку Челкаша... Вдругъ лодка вырвалась изъ толпы судовъ, и море — безконечное, могучее, блестящее — развернулось передъ ними; уходя въ синюю даль, гдѣ изъ водъ его вздымались въ небо горы тучъ—лиловосизыхъ, съ желтыми пуховыми каймами по краямъ, зеленоватыхъ, цвѣта морской воды и тѣхъ скучныхъ, свинцовыхъ тучъ, что бросаютъ отъ себя такія тоскливыя, тяжелыя тѣни, угнетающія умъ и душу. Онѣ ползли такъ медленно одна на другую и, то сливаясь, то обгоняя другъ друга, мѣшали свои цвѣта и формы, поглощая сами себя и вновь возникая въ новыхъ очертаніяхъ, величественныя и угрюмыя... И что-то роковое было въ этомъ медленномъ движеніи бездушныхъ массъ. Казалось, что тамъ, на краю моря, ихъ безконечно много и что онѣ всегда будутъ такъ равнодушно вспол-

зать на небо, задавшись тупо злой цѣлью—не позволять ему никогда больше блестѣть надъ соннымъ моремъ милліонами своихъ золотыхъ очей — разноцвѣтныхъ звѣздъ, живыхъ и мечтательно сіяющихъ, возбуждающихъ высокія желанія въ людяхъ, которымъ дорогъ ихъ святой и чистый блескъ... Барка тихо покачивалась на игравшей водѣ, гдѣ-то поскрипывало дерево жалобнымъ звукомъ, дождь мягко сыпался на палубу и плескались волны о борта... Все это было грустно и звучало, какъ колыбельная пѣснь матери, не имѣющей надеждъ на счастье своего сына.

На морскомъ побережьѣ Горькій встрѣчаетъ своего стараго пріятеля Коновалова въ числѣ рабочихъ, нанятыхъ для постройки мола. Онъ описываетъ утомительный трудъ этого людского муравейника, всѣхъ этихъ „сѣрыхъ маленькихъ людей“, которые раскалываютъ сосѣднюю гору, чтобы отгородиться отъ волнъ. Наступаетъ часъ отдыха. Коноваловъ ведетъ его въ свое убѣжище, въ нишу, вырубленную на склонѣ горы. Отсюда они долго смотрятъ на море.

Оно лежало, ослѣпляя глаза своимъ блескомъ — большое, сильное, доброе, и его могучее дыханіе вѣяло на берегъ, освѣжая истомленныхъ людей, трудящихся надъ тѣмъ, чтобы стѣснить свободу его волнъ, которыя теперь такъ кротко и звучно ласкаютъ изуродованный берегъ. Оно какъ бы жалѣло ихъ: — вѣка его существованія научили его понимать, что не тѣ злоумышляютъ противъ него, которые строятъ; оно давно уже знаетъ, что это только рабы, ихъ роль бороться со стихіями лицомъ къ лицу, а въ этой борьбѣ готова и месть стихіи имъ. Они все только строятъ, вѣчно трудятся, ихъ потъ и кровь—цементъ всѣхъ сооруженій на землѣ; но они ничего не получаютъ за это, отдавая всѣ свои силы вѣчному стремленію сооружать—стремленію, которое создаетъ на землѣ чудеса,

но все-таки не даетъ людямъ крова и слишкомъ мало даетъ имъ хлѣба. Они — тоже стихія, и вотъ почему море не гнѣвно, а ласково смотритъ на ихъ трудъ, отъ котораго имъ нѣтъ пользы, этимъ сѣрымъ маленькимъ червямъ, такъ источившимъ гору... И, улыбаясь спокойной улыбкой титана, сознавшаго свою мощь, море овѣвало своимъ живительнымъ дыханіемъ титана, еще духовно слѣпого, порабощеннаго и жалко ковыряющаго землю, вмѣсто того, чтобы стремиться къ родству съ небомъ.

Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ лирическаго подъема, слогъ Горькаго обнаруживаетъ всегда главную особенность писателя, а именно его образность. Она всюду своеобразно мѣняется въ зависимости отъ привычекъ и занятій его дѣйствующихъ лицъ. Самоучка пожинаетъ плоды своего рабочаго воспитанія, непосредственнаго нагляднаго обученія внѣ школы и системы. Этому тяжелому воспитанію онъ обязанъ еще однимъ литературнымъ преимуществомъ,—захватывающей правдой жестокихъ ощущеній, которыя онъ описываетъ по собственному опыту,—усталость, холодъ, голодъ... Особенно голодъ; въ разсказахъ: „*Однажды осенью*“ и „*Въ степи*“ онъ анализируетъ мученія изнемогающаго отъ голода человѣка съ медицинскою точностью. Нельзя забыть ночевки трехъ безработныхъ, затерянныхъ среди пустынной степи, и ихъ встрѣчи съ бѣднякомъ, у котораго они отнимаютъ котомку: напряженность всѣхъ жизненныхъ силъ въ борьбѣ за кусокъ хлѣба, пріобрѣтаемаго хотя бы цѣною преступленія, придаетъ величественный трагизмъ этому грубому происшествію.

Но и въ самой крайности своего реализма Горькій не измѣняетъ лиризму. Прежде всего это ска-

зывается на тѣхъ очертаніяхъ, которыя принимаютъ его мечты среди природы; вышеприведенные примѣры подтверждаютъ это; но особенно сказывается лиризмъ въ его пристрастіи къ опредѣленному типу героя. Челкашъ или Коноваловъ, Сережка въ „*Мальвѣ*“, да и сама Мальва,—это типъ, повторяющійся въ большинствѣ разсказовъ, лишь съ немногими измѣненіями; авторъ льститъ ему и выказываетъ ему больше сочувствія, нежели подобная личность заслуживаетъ съ точки зрѣнія мѣщанской нравственности. Это гуляка съ сильно развитыми мышцами, неустрашимый тунеядецъ, одѣленный всевозможными пороками, но способный на внезапный порывъ; у него огромный запасъ энергіи, которую онъ топитъ въ винѣ, не зная, что съ ней дѣлать: философъ и фаталистъ, противникъ всякаго гнета, онъ бунтуетъ противъ всякаго закона. Таковъ „Божественный“, описанный и водворенный у насъ Денисомъ Пуло (Le Sublime, par M. Denis Poulot). Чѣмъ болѣе герой—отъявленный бродяга, чѣмъ больше онъ самъ наслаждается этимъ, тѣмъ выше онъ стоитъ въ глазахъ русскаго повѣствователя. Помѣстье, пахатная земля, родная деревня, очагъ — вотъ враги, тюремщики, о которыхъ говорится лишь съ презрѣніемъ; имъ противопоставляются освободительницы: степь, рѣка, море. Гонимые унаслѣдованнымъ инстинктомъ бродяжничества изъ мѣста своего пребыванія, „босяки“ Горькаго являются безсознательными послѣдователями казаковъ, уходившихъ отъ правильной жизни; такое спорадическое переселеніе служитъ до сихъ поръ одной изъ характерныхъ особенностей русской исторіи: это пѣна, которую славянскій океанъ выбрасы-

ваетъ на свои берега, и которая, отходя отъ него, ему же завоевываетъ новыя земли.

Мучительная язва не даетъ покою всѣмъ этимъ скитальцамъ: какъ англичанинъ страдаетъ отъ *сплина*, такъ русскій страдаетъ отъ *тоски*, этой національной разновидности давней людской немощи, т. е. отъ скуки и разочарованія въ жизни. Она можетъ быть задумчива и холодна, какъ породившій ее снѣгъ, или вскипать внезапно и яростно, какъ вода растаявшаго снѣга. Она толкаетъ свою жертву на растрату жизненныхъ силъ, заставляетъ его искать забвенія въ рискованныхъ и сумасбродныхъ предпріятіяхъ, чаще же всего въ кабакѣ. Въ одной изъ повѣстей Тургенева, „*Отчаянный*“, дядя спрашиваетъ у своего пьяницы-племянника: „Да отчего—*тоска*?—Какъ же, помилуйте! Придешь, этакимъ образомъ, въ себя, очувствуешься, станешь размышлять о бѣдности, о несправедливости, о Россіи... Ну — и кончено! Сейчасъ тоска — хоть пулю въ лобъ! Закутишь поневолѣ. — Россію-то ты зачѣмъ сюда приплелъ? Все это у тебя—и тоска эта—отъ бездѣйствія.—Да не умѣю я ничего дѣлать, дяденька! родной!—Вы, вотъ, научите меня, что мнѣ дѣлать, жизнью изъ-за чего рискнуть? Я—сію минуту!..“

Тоска — это послѣднее слово психологіи Горькаго, которое постоянно повторяется въ его книгахъ. Онъ озаглавилъ имъ разсказъ, иначе называемый: „*Страничка изъ жизни одного мельника*“. Этого мельника на мельницѣ охватилъ припадокъ общей болѣзни: онъ уѣзжаетъ въ городъ, бродитъ безцѣльно по улицамъ, преслѣдуемый невидимымъ врагомъ, отъ котораго ему никакъ не избавиться; онъ

подбираетъ дѣвицъ и паразитовъ, которые ему противны, запирается со всѣмъ этимъ обществомъ въ трактирѣ; поютъ грустныя, грустныя пѣсни... онъ плачетъ, дѣлится своимъ неизлѣчимымъ горемъ съ незнакомыми ему людьми, пожирающими его рубли, пьетъ до полусмерти въ теченіе трехъ дней и возвращается на мельницу еще болѣе несчастнымъ... И это все. И это не ново. Дядя у добросердечнаго Тургенева рѣшилъ и сказалъ правильно, когда однимъ словомъ пресѣкъ объясненія своего племянника, повторяемыя еще болѣе распространенно и безъ передышки типами Горькаго: „Это отъ бездѣйствія“.— Нашъ писатель этого не допускаетъ: онъ видитъ въ тоскѣ священное, роковое зло. Для насъ это — дѣтское сужденіе, но оно составляетъ самую суть разсматриваемыхъ мною произведеній; въ концѣ концовъ мы увидимъ, что это направленіе, воспѣвающее героевъ въ лохмотьяхъ, можетъ значительно повліять на литературу и общество; оно возвращается къ Манфреду и Ролла, жалѣетъ и прославляетъ ихъ, розыскавъ ихъ въ тѣхъ трущобахъ, куда они опустились.

Въ своихъ картинахъ реальнаго быта черни, разсказчикъ удѣляетъ женщинамъ лишь второстепенное мѣсто; его обычные любимцы говорятъ о нихъ съ презрительной ироніей и соотвѣтствующимъ образомъ обращаются съ ними. Они всѣ думаютъ, какъ Коноваловъ: женщина—это естественный врагъ той свободы, которой бродяга долженъ дорожить больше всего. Пекарь разсказываетъ своему другу, какъ его „выглядѣла“ богатая купчиха, когда онъ былъ конюхомъ въ циркѣ, какъ она привлекла его къ себѣ,

какъ ласкала его; и какъ онъ ее бросилъ, хотя она и нравилась ему, потому что „тянуло его куда-то“...

Но я тебѣ разсказалъ правду, такъ оно и было, какъ разсказывалъ. Развѣ тутъ что особенное есть? Женщина живетъ, и ей скучно, а народъ все замухрышка... Положимъ, я кучеръ, но женщинѣ это все равно, потому что и кучеръ, и баринъ, и офицеръ— всѣ мужчины... И всѣ передъ ней свиньи, всѣ одного и того же ищутъ, и каждый норовитъ, чтобы побольше взять, да поменьше заплатить. Простой-то человѣкъ даже еще лучше, совѣстливѣе. А я очень простой... Женщины это хорошо во мнѣ понимаютъ... видятъ, что не обижу, т.-е. не... тово... не насмѣхаюсь надъ ней. Женщина—она согрѣшитъ и ничего такъ не боится, какъ смѣха, издѣвки надъ ней. Онѣ стыдливѣе противъ насъ...

Случайныя товарки „босяковъ“ Горькаго привлекаютъ его вниманіе лишь на короткій срокъ и то ужъ очень неблаговиднымъ поступкомъ; такъ, напримѣръ, онѣ обольщаютъ одновременно и отца, и сына, стравливаютъ того и другого и отдаютъ предпочтеніе тому изъ нихъ, который въ этой борьбѣ выказываетъ больше „жизненной силы“. Такова канва въ „*Мальвѣ*“ и „*На плотахъ*“. Если художникъ и изобразилъ съ особой любовью типъ Мальвы, то это потому, что въ ней, какъ и въ мужчинѣ, сказывается кочевой, непокорный звѣрь, для котораго на землѣ существуетъ только добыча, да и та его не удовлетворяетъ.—„Не похожа ты на бабъ!“, говоритъ ей Сережка. Но тѣмъ не менѣе это единственная баба, которую разсказчикъ одарилъ кокетствомъ и обаяніемъ женщины. Чувствуется, что она чаруетъ, эта сирена крымскихъ рыбныхъ промысловъ: глубина морская свѣтится въ ея зеленыхъ глазахъ, шумъ

морской слышится въ ея вызывающемъ смѣхѣ. Отъ всего существа ея исходитъ магнитный потокъ и передается морскимъ видамъ: ни въ одномъ разсказѣ Горькій не расточаетъ такъ много великолѣпія; ни въ одномъ онъ не углубляется такъ въ страданія этихъ суровыхъ душъ. „*Мальва*“ несомнѣнно его лучшее произведеніе.

Почти всѣ блѣдные образы на фонѣ его „*Разсказовъ*“—женщины низшаго слоя. Роль ихъ ограничивается пѣніемъ безконечныхъ самодѣльныхъ пѣсенъ, въ которыхъ ребяческія слова оканчиваются рыданіемъ, крикомъ раненаго звѣря, но эти пѣсни трогаютъ до слезъ грустно настроенныхъ пьяницъ. Ничто такъ не озадачило бы французскаго читателя, какъ описаніе подобныхъ молчаливыхъ и мрачныхъ оргій, вполнѣ притомъ благопристойныхъ, по крайней мѣрѣ, въ передачѣ разсказчика.

Тутъ сказывается та существенная разница между русскими реалистами и большинствомъ нашихъ, на которую я уже неоднократно указывалъ. Картины ихъ могутъ быть низки, отвратительны, неблагородны во многихъ отношеніяхъ, но въ нихъ нѣтъ никогда чувственности. Въ самомъ двусмысленномъ, съ нашей точки зрѣнія, положеніи, эти невозмутимые философы усматриваютъ лишь жертву особой скорби; только психологическая сторона дѣла привлекаетъ ихъ вниманіе; общее описаніе сдержанно, какъ трагедія Расина. Тему „*Васьки Краснаго*“ даже пересказать трудно: это служащій въ какомъ-то удивительномъ трактирѣ, обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы сѣчь неисправимыхъ дѣвицъ всѣхъ публичныхъ домовъ большого города. На эту тему

наши спеціалисты написали бы рядъ непристойныхъ сценъ, а Горькій пишетъ грустный этюдъ, невозмутимый, какъ полицейскій отчетъ. Но мои замѣчанія не могутъ вполнѣ освѣтить различіе въ обработкѣ темы; надо самому прочесть и сравнить, разность взглядовъ тотчасъ же станетъ замѣтна: то же тѣло, которое у насъ живетъ, манитъ и возбуждаетъ читателя, тамъ выставляется похолодѣвшимъ въ анатомическомъ театрѣ; на нравственныхъ трупахъ изучаютъ страданія и гибель душъ.

Какое же впечатлѣніе оставляютъ всѣ „*Разсказы?*“ Каждый изъ нихъ, взятый отдѣльно, очень интересенъ: плѣняетъ и рельефность фигуръ, и вѣрность наблюденія, подвижность мысли, переходы отъ лирическаго настроенія къ насмѣшливымъ вспышкамъ. Но по мѣрѣ накопленія этихъ офортовъ, къ разнообразію ихъ,—котораго нельзя не признать,—примѣшивается однообразное чувство удручающей грусти; тяжелый кошмаръ умственнаго томленія становится далѣе невыносимъ. Напрасно Горькій разбросалъ печальныхъ дѣтей своего воображенія по большимъ дорогамъ и помѣстилъ ихъ въ живописныя рамки: они тѣмъ не менѣе утомляютъ память, которая смѣшиваетъ ихъ между собою и относитъ всѣхъ въ тѣсное помѣщеніе бывшаго ротмистра Кувалды, содержащаго ночной пріютъ, куда каждый вечеръ собираются „*Бывшіе люди*“. Авторъ собралъ въ эту преисподнюю общества наиболѣе типичныхъ своихъ представителей; они тамъ городятъ вздоръ и, будучи осуждены на выраженіе одной предвзятой мысли, не выходятъ изъ утомительнаго круговорота: разсужденія и пьянства, пьянства и разсужденія. Они

чрезвычайно ясно анализируютъ свою нравственную несостоятельность и кончаютъ тѣмъ, что топятъ совѣсть въ чаркѣ водки.

Можно сказать, что бытописатель ихъ рисуетъ водкой: эти характерные люди буквально купаются въ алкоголѣ, онъ струится по страницамъ, испаренія его покрываютъ всѣ произведенія Горькаго блѣдной, мрачной тучей, подобной той тучѣ, которой писатель застилаетъ обыкновенно сѣрое небо своихъ пейзажей. При чтеніи его произведеній кажется, что вся Русь—одинъ огромный кабакъ въ темномъ погребѣ, въ которомъ пахнетъ потомъ, жиромъ, керосиномъ, появляются паразиты въ лохмотьяхъ, охаютъ, проклинаютъ, бросаютъ другъ другу въ лицо свои истины и утопаютъ въ океанѣ водки. Это слишкомъ сильно. Читатель проситъ пощады; онъ утомился и съ отвращеніемъ закрываетъ книгу, которую началъ съ такимъ удовольствіемъ. Повтореніе этихъ темныхъ и мутныхъ образовъ вызываетъ тошноту, какъ послѣ большого пьянства; для такого состоянія на русскомъ языкѣ есть богатый запасъ названій—существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ,—а мы, французы, называемъ его грубо „le mal aux cheveux“.

III.

„*Ѳома Гардѣевъ*“, появившійся въ 1899 году, заставляетъ думать сначала, что авторъ приступаетъ къ большому бытовому роману. Онъ поднимается на нѣсколько ступеней по общественной лѣстницѣ, выводитъ на сцену купцовъ, наиболѣе самобытный классъ, оказывающій сопротивленіе всѣмъ нововведе-

ніямъ въ Россіи. Начиная съ Гоголя, этотъ классъ служитъ мишенью для всѣхъ романистовъ и драматурговъ: ихъ остроуміе изощряется на богатомъ *купцѣ*, его легендарныхъ плутняхъ, его ханжествѣ, его устарѣломъ костюмѣ. Тѣмъ не менѣе купецъ совершенно справедливо гордится тѣмъ, что въ его рукахъ сосредоточена денежная власть, а въ домѣ его—культъ традицій.

Романъ Горькаго воспроизводитъ съ натуры личности тѣхъ купцовъ, съ которыми онъ сталкивался въ Нижнемъ; это славные жизненные портреты, особенно портретъ стараго хитреца Маякина. Книга начинается прекрасно, Толстой не отказался бы отъ нѣкоторыхъ эпизодовъ, обработанныхъ съ его умѣньемъ, при удачномъ выборѣ выразительныхъ подробностей: роды Натальи, умирающей на подушкѣ, „по которой, какъ мертвыя змѣи, раскинулись темныя пряди волосъ“, между тѣмъ какъ мужъ ея ждетъ появленія ребенка въ сосѣдней комнатѣ и подбадриваетъ себя водкой — повсюду водка; смерть отца Гордѣева, обогатившагося *бурлака*, который долго гнулъ жизнь и людей по своему усмотрѣнію до того дня, какъ разбитое ударомъ въ саду „его грузное тѣло медленно поползло съ кресла на землю, точно земля властно потянула его къ себѣ“; наконецъ, особенно хорошо описанъ первый любовный опытъ молодого Ѳомы, вліяніе женщины на двадцатилѣтняго юношу, внезапная перемѣна въ немъ подъ вліяніемъ первой женской ласки.

Продолженіе романа, однако, не отвѣчаетъ обѣщаніямъ начала. Ѳома одаренъ всѣми благами: умница, здоровякъ, колоссально богатый, чтимый всѣми

купцами, желанный женихъ для ихъ дочерей, самостоятельно ворочающій большими дѣлами, оставленными ему отцомъ,—какъ же проживетъ онъ свою жизнь?— Онъ и не будетъ жить; онъ будетъ искать смыслъ жизни. Неумолимое зло, *тоска*, отравляетъ его сердце и умъ. Все ему скучно и все его раздражаетъ, такъ какъ міръ, особенно русскій, плохо сотворенъ. „Что дѣлать?“, восклицаетъ Гордѣевъ. — Шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Чернышевскаго, озаглавившаго такъ свою знаменитую книгу, сорокъ лѣтъ послѣ Рудина Тургенева и безчисленныхъ братьевъ нерушимый русскій кликъ раздается, какъ и прежде, такъ же болѣзненно, такъ же наивно. Подобно малому ребенку Ѳома задаетъ свой вопросъ всякому встрѣчному. Богатство тяготитъ его; онъ завидуетъ „босякамъ“, повидимому, обладателямъ того секрета, который онъ хочетъ разгадать; онъ сближается съ ними, начинаетъ кутить и пьетъ, пьетъ, все въ поискахъ за смысломъ жизни, на трехстахъ страницахъ. Мы снова бродимъ по спиртному ручью, изъ котораго проходимцы напиваются на счетъ молодого купца. Благодаря счастливому преимуществу героевъ романа, золото, которое они презираютъ, не изсякаетъ въ ихъ карманахъ. Бѣдный Ѳома! Вашъ литературный отецъ считаетъ васъ передовымъ умомъ, маякомъ для будущихъ поколѣній: и хотя—или потому что—вы послѣдователь Шопенгауэра, Нитцше и прочихъ, вы просто дитя 1830-го года.

Jamais dans les tavernes,
Sous les rayons tremblans des blafardes lanternes,
Plus indocile enfant ne s'était accoudé... *)

Прошу прощенія у Максима Горькаго, но суть всего его романа заключается въ этомъ старомъ стихѣ.

Не думайте, однако, что онъ порицаетъ своего Ѳому. Онъ сочувствуетъ ему и противопоставляетъ его другимъ купцамъ, глупымъ работникамъ, нечестнымъ собирателямъ денегъ. Гордѣевъ отличается рыцарскими поступками, напримѣръ, онъ даетъ пощечину зятю губернатора, „человѣку, имѣющему орденъ“. Онъ стоитъ выше подобныхъ себѣ, потому что въ глубинѣ притоновъ, гдѣ онъ—да будетъ мнѣ позволено такъ выразиться — безчинствуетъ, онъ „протестуетъ“ и „обличаетъ“. Эти два слова сильно въ ходу въ извѣстныхъ кругахъ Россіи.—„Когда я вижу торжествующую свинью, я протестую“, гордо говоритъ одинъ изъ героевъ Чехова. Ѳома протестуетъ противъ всѣхъ и вся, потому что всѣ, кромѣ него, свиньи. Благодаря ему, святой духъ недовольства жизнью уже спустился даже на ложе купца. Онъ изобличаетъ скверныя стороны подобныхъ себѣ и того общества, лучшей опорой котораго они служатъ. Въ концѣ повѣсти богачъ Илья Кононовъ собираетъ первыхъ лицъ города на миръ на новый пароходъ, который онъ въ первый разъ пускаетъ по Волгѣ. Произносятъ тосты, старые купцы поздравляютъ другъ друга со всѣмъ тѣмъ, что ихъ сословіе сдѣлало для развитія экономической жизни на рѣкѣ. Вдругъ встаетъ молодой Гордѣевъ,—какъ Рюи Блазъ на совѣтѣ министровъ,—и

*) Никогда въ трактирѣ, при дрожащемъ свѣтѣ блѣдныхъ фонарей, не сидѣлъ болѣе своенравный ребенокъ.

„обличаетъ“ каждаго изъ почтенныхъ гостей; каждому изъ нихъ онъ напоминаетъ скрытый грѣхъ, забытый за нажитымъ богатствомъ, о которомъ завистники ихъ шепчутъ на крыльцѣ биржи: одному—подлость, давшую ему возможность основать банкъ; другому—безнравственный поступокъ; кому обманъ, кому подлогъ, кому наслѣдство, украденное у сиротъ. Градъ хлещетъ всѣхъ, поднимается шумъ и суматоха, всѣ бросаются на судью, завѣдомаго пьяницу,—на этотъ разъ онъ трезвъ,—и его увозятъ въ домъ умалишенныхъ; его опекунъ, хитрецъ Маякинъ, устраиваетъ такъ, что его назначаютъ управителемъ Гордѣевскаго имущества, а Ѳома продолжаетъ пить съ благородными босяками.

Въ этомъ романѣ ни одно дѣйствіе не вырисовано, ни одному чувству не дано исхода, такъ что невольно пожалѣешь о краткихъ, но ясныхъ этюдахъ писателя; здѣсь—рядъ плохо объясненныхъ психологическихъ противорѣчій, безконечная болтовня... „*Ѳома Гордѣевъ*“ переведенъ на французскій языкъ; но несмотря на истинный талантъ, просвѣчивающій всюду,—которомуя отдалъ должную справедливость,—я сомнѣваюсь, чтобы такое туманное произведеніе могло понравиться иностранцамъ, мало знакомымъ съ нравами нижегородскихъ купцовъ. И, вообще, надо имѣть храбрость, чтобы переводить Горькаго. Я не видѣлъ французскаго перевода, но я спрашиваю себя, какъ можно передать духъ народныхъ—и народническихъ—разговоровъ, столь часто встрѣчающихся въ „*Разсказахъ*“. Русскій арго не что иное, какъ говоръ крестьянъ; поэтому-то онъ очень богатъ, въ немъ много добродушія, чего-то роднаго и сер-

дечнаго, кромѣ сильныхъ словечекъ, на которыя такъ скоръ народъ. Ему нѣтъ равныхъ выраженій ни на нашемъ обычномъ языкѣ, болѣе очищенномъ отъ народныхъ пошлыхъ словъ, нежели русскій языкъ, ни на нашемъ арго, языкѣ искусственномъ, созданномъ низшимъ слоемъ городскаго населенія.

Въ Россіи „*Ѳома Гордѣевъ*“ понравился многимъ отнюдь не литературными своими достоинствами; въ немъ усмотрѣли „протестующее“ направленіе, чуть ли не философскій трактатъ, а къ этому роду литературы питаютъ пристрастіе. Горькій изложилъ въ этомъ романѣ краткую, противорѣчивую и нѣсколько напыщенную философію, къ которой онъ подходилъ въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ.

Жизнь—такъ думаетъ этотъ мечтатель—существуетъ сама по себѣ; это сильный потокъ, текущій внѣ насъ: то надо ему сопротивляться, то слѣдуетъ отдаться ему пассивно, предоставить ему нести насъ. Изъ всего надо стараться извлечь „жизненную силу“, присущую сильнымъ; она господствуетъ надъ жизнью и надъ людьми. Настоящій міръ плохъ, потому что всѣ трусы и не умѣютъ цѣнить свободу; они зарываются въ свои дома, города, работу, богатство; они не умѣютъ создавать, рисковать для славныхъ подвиговъ, питать и удовлетворять прекрасныя страсти, изъ-за которыхъ стоитъ жить. Горькій недавно напечаталъ поучительный разсказъ подъ заглавіемъ: „*Еще о чортѣ*“. Одинъ человѣкъ жалуется, что не можетъ вырвать страсти изъ своего сердца. Чортъ входитъ своимъ обычнымъ путемъ, черезъ окошко, и предлагаетъ свои услуги: онъ вылѣчитъ больного, для этого стоитъ только сдѣлать операцію. Опера-

торъ извлекаетъ изъ больного сердца проклятыя страсти, какъ занозы, одну за другой; когда послѣдняя была вынута, то выздоровѣвшій человѣкъ издалъ звукъ пустого боченка; отъ него остался лишь бездушный болванъ, съ глупымъ лицомъ, на которомъ „сіяло то непзъяснимое словами блаженство, которое всего болѣе свойственно прирожденнымъ идіотамъ“.

Въ булочной, когда честный Коноваловъ оплакивалъ свои слабости, товарищъ убѣждалъ его, что не слѣдуетъ огорчаться, доказывалъ ему, что онъ— печальная жертва жизни, среды, условій. На это Коноваловъ отвѣчалъ съ похвальнымъ сознаніемъ свободы своей воли:

Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не виноватъ, ежели я подлецъ есть! Кто виноватъ, что я пью? Сами мы передъ собой и жизнью виноваты.

Новѣйшій выразитель мыслей Горькаго, архитекторъ Шебуевъ, въ романѣ „*Мужикъ*“ *), который еще печатается, снова перебираетъ жалобы и нареканія Гордѣева:

Что для насъ жизнь? Пиръ? Нѣтъ. Трудъ? Нѣтъ! Битва? О, нѣтъ!.. Жизнь для насъ что-то скучное тягучее, сѣрое, какая-то обуза. Мы несемъ ее, вздыхая отъ усталости и жалуясь на тяжесть ноши. Любимъ ли мы жить? Любовь къ жизни?.. Вѣдь это даже звучитъ совершенно чуждо нашему уху. Мы любимъ читать, спорить, мы любимъ наши мечты о будущемъ... впрочемъ, платонической любовью любимъ ихъ, безплодной любовью...

Можно привести сотни подобныхъ отрывковъ, схожихъ по внутреннему содержанію и отличныхъ

*) Романъ этотъ не былъ оконченъ. *Прим. перев.*

только по неистощимому разнообразію выраженія. Краснорѣчива та страница, которой оканчивается сказка *„О чортѣ“*:

Тотчасъ же послѣ того, какъ докторъ скажетъ про васъ вашимъ близкимъ:

— Умеръ...

Вы вступите въ нѣкую безграничную, ярко освѣщенную область, и это есть область сознанія вашихъ ошибокъ.

Вы лежите въ могилѣ, въ тѣсномъ гробу и предъ вами проходитъ, вращаясь какъ колесо, бѣдная жизнь ваша. Она движется медленно до мучительности и вся проходитъ — отъ перваго сознательнаго шага и до послѣдней минуты жизни вашей. Вы увидите все, что скрывали отъ себя при жизни, всю ложь и мерзость вашего бытія, всѣ мысли ваши вы вновь передумаете, вы увидите каждый невѣрный вашъ шагъ, вся жизнь ваша возобновится — вся до секунды! И для того, чтобъ усилить муки ваши, вы будете знать, что по той тѣсной и глупой дорогѣ, по которой шли вы, — идутъ другіе и толкаютъ другъ друга, и торопятся, и лгутъ... И вы понимаете, вы ясно видите—все это они дѣлаютъ лишь для того, чтобъ со временемъ узнать, какъ позорно жить такой гнусной, бездушной жизнью.

Счастливъ тотъ, кто разберется въ философіи Горькаго; авторъ самъ на это не способенъ, какъ онъ откровенно сознается въ одномъ изъ разсказовъ: *„Читатель“*. Онъвозвращался изъ общества друзей, которые много хвалили его новый разсказъ; къ нему подошелъ таинственный и язвительный незнакомецъ. Все заставляетъ думать, что это олицетвореніе совѣсти. Незнакомецъ спрашиваетъ его, по какому праву онъ учитъ людей, во имя какого принципа и что онъ имъ даетъ. Писатель не находитъ отвѣта. Мучитель не отстаетъ отъ него до разсвѣта.

Ты нищъ для того, чтобы дать людямъ что-нибудь дѣйствительно цѣнное, а то, что ты даешь, ты даешь не ради высокаго наслажденія обогащать жизнь красотой мысли и слова, а гораздо больше для того, чтобы возвести случайный фактъ твоего существованія на степень феномена, необходимаго для людей. Ты даешь для того, чтобы больше взять отъ жизни и людей... А ты умѣешь любить людей?

Писатель внимательно смотритъ вглубь себя и по размышленіи сознается, что этого не знаетъ. Еще откровеннѣе признается онъ своему случайному духовнику:

Я открылъ въ себѣ не мало добрыхъ чувствъ и желаній, не мало того, что обыкновенно называютъ хорошимъ; но чувства, объединяющаго все это, стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ явленія жизни, я не нашелъ въ себѣ... И что я могу сказать людямъ? То, что уже давно говорили имъ и всегда говорятъ, что находитъ себѣ слушателей, но не дѣлаетъ людей лучшими. Но имѣю ли я право проповѣди этихъ идей и понятій, если самъ я, воспитанный на нихъ, часто поступаю не такъ, какъ онѣ повелѣваютъ?

Когда Ѳому Гордѣева убѣждаютъ читать, онъ высказываетъ такой же скептицизмъ относительно возможности учиться у писателя: — „Но чтобы учиться изъ книги, какъ жить,—это ужъ что-то несуразное! Вѣдь человѣкъ написалъ, не Богъ, а какіе законы и примѣры человѣкъ установитъ можетъ самъ для себя?“ Поэтому-то Горькій и не проповѣдуетъ никакого ученія, онъ, который надъ всѣми ученіями издѣвается: какъ его Ѳома, онъ ищетъ ощупью смыслъ жизни. Его метафизическія выходки часто напоминаютъ странную галлюцинацію, описанную имъ въ „*Ошибкѣ*“.

Кириллъ Ивановичъ ощущалъ въ себѣ желаніе повторять каждое слово по нѣскольку разъ, но почему-то боялся дѣлать это. Слова казались ему разноцвѣтными пятнами, вродѣ легкихъ облаковъ, разсѣянныхъ въ безграничномъ пространствѣ. Онъ летаетъ за ними, ловитъ ихъ и сталкиваетъ другъ съ другомъ; отъ этого получается радужная полоса, которая и есть мысль. Если ее вобрать въ себя вмѣстѣ съ воздухомъ и затѣмъ выдохнуть, то она зазвучитъ и отъ этого получается рѣчь.

Нашъ философъ послѣдователенъ и неизмѣненъ лишь въ своемъ отвращеніи ко всякаго рода стѣсненіямъ, въ призывахъ къ свободѣ страстей и въ преклоненіи передъ силою. Во всѣхъ отрывкахъ, которые я привелъ, вы видите появленіе „сверхъчеловѣка“, или возвращеніе романтика, что одно и то же.

Въ сущности, произведенія Горькаго не что иное, какъ длинный и горячій протестъ противъ условій существованія на его родинѣ. Онъ старается пристыдить отчизну, указывая на ея оскудѣніе, ея общественныя раны, всѣ ея дурныя стороны. Онъ рисуетъ съ цѣлью внушить отвращеніе. Это—Гоголь, но менѣе веселый, менѣе уровновѣшенный, болѣе страстный. Я никого не удивлю, назвавъ его революціонеромъ; я сказалъ бы, что онъ нигилистъ, но мнѣ непріятно придавать этотъ эпитетъ русскому писателю. Философское значеніе этого слова извратили очень глупо, примѣняя его къ политическимъ заговорщикамъ. А между тѣмъ это подходящее названіе. Радикальный нигилизмъ Горькаго не щадитъ ни одного принципа; онъ отрицаетъ даже либеральныхъ проповѣдниковъ. Они первые привѣтствовали

язвительныя нападки блуднаго сына, а онъ разбилъ ихъ же боговъ наравнѣ со всѣми старыми божествами. Въ его глазахъ всѣ теоретики стоятъ другъ друга, и лекарство, изготовленное по новѣйшимъ научнымъ даннымъ, внушаетъ ему не болѣе довѣрія, нежели любое старое средство. Онъ отказывается заключить себя въ „кандалы свободомыслія“ и „колодки разныхъ *измовъ*“. О печати, ея значеніи и пользѣ онъ говоритъ со злой насмѣшкой. Ежовъ, провинціальный журналистъ, старается посвятить Гордѣева въ свои занятія.

Вмѣстѣ съ Ѳомой онъ шлялся до глубокой ночи по клубамъ, гостинницамъ, трактирамъ, всюду черпая матеріалъ для своихъ писаній, которыя онъ называлъ „щетками для чистки общественной совѣсти“. Цензора онъ именовалъ „завѣдующимъ распространеніемъ въ жизни истины и справедливости“, газету называлъ „сводней, занимающейся ознакомленіемъ читателя съ вредоносными „идеями“, а свою въ ней работу — „продажей души въ розницу“ и „поползновеніемъ къ дерзновенію противъ божественныхъ учрежденій“.

Горькій требуетъ обновленія во что бы то ни стало, хотя бы цѣною жизни; онъ хочетъ мужественныхъ и прекрасныхъ дѣлъ вмѣсто идейной каши, которой проповѣдники общественнаго улучшенія наполняютъ русскій желудокъ. Но какимъ онъ представляетъ себѣ это обновленіе и чего отъ него ждетъ?—Прошу внимательно выслушать стараго купца Маякина, резонера, который является въ „*Ѳомѣ Гордѣевѣ*“ образцомъ хитраго и практическаго ума. Маякинъ выражаетъ свои мысли о будущей судьбѣ Россіи свойственнымъ ему, нѣсколько гру-

бымъ, языкомъ. Я буквально привожу отрывокъ, въ немъ много поучительнаго.

Смутилась Россія, и нѣтъ въ ней ничего стойкаго: все пошатнулось! Всѣ набекрень живутъ, на одинъ бокъ ходятъ, никакой стройности въ жизни нѣтъ... Орутъ только всѣ на разные голоса. А кому чего надо—никто того не понимаетъ! Туманъ на всемъ... туманомъ всѣ дышатъ, оттого и кровь протухла у людей... оттого и нарывы... Дана людямъ большая свобода умствовать, а дѣлать ничего не позволено—отъ этого человѣкъ не живетъ, а гніетъ и воняетъ.

— Что же надо дѣлать? спросила Любовь.

— Все!—азартно крикнулъ старикъ.—Все дѣлай!.. Валяй, кто во что горазд! А для того—надо дать волю людямъ... полную свободу! Ужъ коли настало такое время, что всякій шибздикъ полагаетъ про себя, будто онъ—все можетъ и сотворенъ для полнаго распоряженія жизнью—дать ему, стервецу, свободу! На, сукинъ сынъ, живи! Ну-ка, живи! А-а! Тогда воспослѣдуетъ такая комедія: почуявъ, что узда съ него снята,—зарвется человѣкъ выше своихъ ушей и перомъ полетитъ и туда, и сюда... Чудотворцемъ себя возомнитъ и начнетъ онъ тогда духъ свой испущать...

Старикъ сдѣлалъ паузу и съ ехидной улыбкой, понизивъ голосъ, продолжалъ:

— А духа этого самаго строительнаго со-овсѣмъ въ немъ малая толика! Попыжится это онъ день-другой, потопорщится во всѣ стороны и—въ скорости ослабнетъ, бѣдненькій! Сердцевина-то гнилая въ немъ! хе-хе-хе! Ту-утъ его,—хе-хе-хе!—голубчика, и поймаютъ настоящіе, достойные люди, тѣ настоящіе люди, которые могутъ дѣйствительными штатскими хозяевами жизни быть...—которые будутъ жизнью править не палкой, не перомъ, а пальцемъ, да умомъ. Что, скажутъ, устали, господа? Что, скажутъ, не терпитъ селезенка настоящаго-то жару? Та-акъ-съ...—И, повысивъ голосъ, властнымъ тономъ старикъ закончилъ свою рѣчь.

— Ну, такъ теперь вы, такіе-сякіе,—молчать и не пищать! А то, какъ червей съ дерева, стряхнемъ васъ съ земли! Цыцъ, голубчики! Хе-хе-хе!—Вотъ оно какъ произойдетъ, Любавка! Хе-хе-хе!—Ну и тогда-то вотъ тѣ, которые верхъ въ сумятицѣ возьмутъ,—жизнь на свой ладъ, по умному, и устроятъ... Не шаля-валя пойдетъ дѣло, а какъ по нотамъ! Не доживешь до этого, жаль!..

Да, но если я не ошибаюсь, это чисто якобинская теорія: хитрыя лисицы только не излагаютъ ее, а примѣняютъ съ успѣхомъ. Дѣйствительно, жаль Маякину умирать: онъ превосходно знаетъ, какъ стряпаются перевороты и какъ надо въ удобный моментъ снимать пѣнку съ кипящаго народнаго котла. „Мѣщанамъ“, которые въ произведеніяхъ Горькаго наслаждаются жизнью, грозитъ опасность: онъ ихъ ненавидитъ вдвойнѣ: и ихъ внутренній міръ, какъ и Флоберъ, и ихъ общественный бытъ.

Мы дѣлаемъ эти замѣчанія, потому что ихъ нельзя не сдѣлать; они нисколько не умаляютъ искренности Горькаго. Всѣ проявленія страстной души этого молодого Альсеста вполнѣ искренни. Его Гордѣевъ—дикій экземпляръ человѣка съ зеленой лентой, который также „протестовалъ и обличалъ“:

J'entre en une humeur noire, en un chagrin profond,
Quand je vois vivre entre eux les hommes comme il font *).

Вѣчно шумящій Ѳома олицетворяетъ собою одну изъ лучшихъ чертъ русской натуры. Историки и дипломаты обыкновенно говорятъ, что русскіе купцы—

*) Я прихожу въ мрачное настроеніе, мною овладѣваетъ глубокое горе,
Когда я вижу, какъ люди живутъ между собою.

народъ лукавый; но это качество наносное, оно относится лишь къ ихъ дѣятельности, вообще же всѣмъ классамъ общества свойственна откровенность и искренность. Ребенокъ тоже умѣетъ лгать; но ясный умъ его требуетъ правды, и онъ удивляется и сердится, когда ее отъ него скрываютъ. Русскіе прямодушны и откровенны по натурѣ. Кто изъ путешественниковъ по Россіи не удивлялся наивной, иногда смѣшной прямотѣ, съ которой завязываются разговоры въ вагонѣ съ лицами, совершенно незнакомыми? Менѣе, чѣмъ черезъ часъ, они уже близки другъ другу, разговоръ льется, какъ у говоруновъ Горькаго и затрагиваетъ темы, о которыхъ обыкновенно умалчиваютъ: дѣла, семью, характеръ говорящаго, самыя скрытыя болѣзни его.

Молодой русскій народъ падокъ на истину, онъ до глубины души своей идеалистъ, легко приходитъ въ негодованіе, если его вывести изъ заблужденія и указать на сооруженіе условной лжи, на которой строится общественное зданіе. Эта ложь смѣшна, неблагородна, жестока съ точки зрѣнія критикующаго. И однимъ прыжкомъ возмущенный духъ переходитъ на радикальное отрицаніе. Этотъ первый порывъ протеста трогателенъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не утратитъ искренности и безкорыстія со дня успѣха протестантъ, въ свою очередь, допускаетъ условную ложь, привыкаетъ къ ней постепенно и укрѣпляется въ ней въ силу вещей такъ же спокойно, какъ и предшественникъ его, котораго онъ побѣдилъ. Россія еще въ идеальной фазѣ, въ порѣ увлеченія Бомарше. Но нашъ Фигаро нападалъ веселыми эпиграммами, а босяки Максима

Горькаго протестуютъ съ грустными пѣснями и безотрадными образами. Въ этомъ сказывается разница народностей.

Серьезныя толкованія героевъ Горькаго о смыслѣ жизни, не менѣе серьезные споры публики и критики объ идеяхъ автора можно тоже сравнить съ ребяческимъ лепетомъ. Большинство читателей больше заинтересовано его идеями, нежели его талантомъ. Нравственные вопросы такъ мучаютъ ихъ, что для развитія вкуса нѣтъ времени; и тѣ длинноты, которыя насъ утомляютъ, имъ нравятся, потому что ихъ захватываетъ тема. Былъ изобрѣтатель, русскій крестьянинъ, который въ 1889 году выставилъ у насъ рядъ геніальныхъ приборовъ; всѣ его изобрѣтенія, какъ и вполнѣ самостоятельныя примѣненія ихъ, носили отпечатокъ крупной даровитости; но увы, машины, которыми онъ восхищался, были лишь грубыми основами машинъ, уже давно выдуманныхъ и улучшенныхъ, согласно требованіямъ производства. То же самое происходитъ и съ русскими романами и ихъ читателями: они затрагиваютъ и наивно толкуютъ о задачахъ человѣчества, на практикѣ такъ или иначе рѣшенныхъ; они повторяютъ старыя вычисленія геометровъ, искавшихъ квадратуру круга. Мы сначала улыбаемся при чтеніи ихъ; но когда вмѣшивается въ дѣло самъ Толстой, когда онъ, со свойственной ему холодной смѣлостью, принимается манипулировать надъ воображаемыми величинами, тогда мы начинаемъ ближе интересоваться дѣломъ: проклятыя дѣти напоминаютъ намъ, что рѣшенія, принятыя нами, далеко

еще не окончательныя рѣшенія. Старецъ улыбается ребенку, если не можетъ отвѣтить на вопросъ его: но тѣмъ не менѣе задумывается надъ нимъ.

IV.

Что въ настоящее время Максимъ Горькій даетъ обществу? Съ воротилами мысли намъ надо считаться столько же, если не больше, какъ съ финансовыми дѣятелями: они овладѣваютъ нашимъ умомъ, мы отдаемся ихъ власти, и на нихъ лежитъ обязанность насъ обогатить.

Если не говорить о талантѣ Горькаго,—а онъ есть, несомнѣнно, и довольно гибкій, живой, такъ что можно ожидать его развитія,—то итогъ писателя подвести не трудно: онъ внесъ только отрицаніе. Его предшественники снабдили свою родину идеями и чувствами, которыми питалась русская мысль: Горькій ихъ задѣваетъ, но ничего къ нимъ не прибавляетъ.

Въ „*Разсказахъ*“ я не встрѣтилъ ни одной страницы, которая указывала бы на нравственное и религіозное воззрѣніе, или просто на желаніе упорядочить мысли. Въ прежнія времена всякая русская книга была равносильна книгѣ православной; она дышала всегда твердой вѣрой, связывающей большую группу людей. Позднѣе появились безпокойныя, колеблющіяся души, но все же проникнутыя религіознымъ чувствомъ. Толстой въ своихъ произведеніяхъ вопрошаетъ тайны природы, познать которыя прежде всего старается человѣкъ. Кто не помнитъ мыслей князя Андрея подъ небомъ Аустерлица?

И Безуховъ, и Левинъ старательно искали смыслъ жизни, но они искали его, постоянно стремясь къ нравственному совершенствованію; когда они учились у простыхъ людей, то находили въ нихъ живое примѣненіе евангельскаго ученія, какъ его понимаетъ Толстой. Тургеневъ спустился къ народу и придалъ ему благородный обликъ, надѣливъ его трогательными чертами, храбростью и самоотверженіемъ; перо его подточило цѣпи крѣпостного права. Достоевскій дохнулъ на Россію горячимъ дыханіемъ нѣжности и братства: руководящимъ чувствомъ въ его произведеніяхъ служитъ жалость. Раньше Горькаго, и не менѣе его, онъ имѣлъ дѣло съ „босяками“, онъ съ ними познакомился на каторгѣ: но тамъ они читали Евангеліе. Мармеладовъ и Соня изъ „*Преступленія и Наказанія*“ проложили путь пьяницамъ и дѣвкамъ, кишащимъ въ „*Разсказахъ*“: но какъ они отличаются отъ собратьевъ своихъ скромностью, мягкостью, тайною красотою души! Можетъ быть „религія человѣческаго страданія“ и вызываетъ усмѣшку, но тѣмъ не менѣе она пробуждаетъ только добрыя чувства.

Горькій вводитъ насъ въ иную Россію, болѣе сухую, болѣе индивидуалистическую, но исключительно земную. Онъ, повидимому, вполнѣ равнодушенъ къ большинству чувствъ, волновавшихъ „людей сороковыхъ годовъ“. Онъ совершеннѣйшій агностикъ. Его книги сознательно не признаютъ за православнымъ преданіемъ преобладающей власти; кое-гдѣ онъ вспоминаетъ о немъ, какъ о складѣ старинныхъ вещей, и заимствуетъ у него рамку для портретовъ старыхъ купцовъ. Дѣйствующія лица

его знакомятъ насъ со своими взглядами въ безконечныхъ разговорахъ, но въ нихъ нѣтъ и намека на мистицизмъ, столь сильный въ русскомъ народѣ, источникъ столь различныхъ направленій. Только нѣсколько словъ, сказанныхъ старымъ паломникомъ Ѳомѣ Гордѣеву, который на нихъ не обращаетъ вниманія, напоминаютъ объ этой сторонѣ народной жизни, значительной и часто встрѣчающейся въ средѣ, куда авторъ насъ вводитъ. Подъ его перомъ ягнята Достоевскаго обращаются въ волчатъ; издали ихъ крикъ кажется жалкимъ и роднымъ, но вообще они сильно похожи на животныхъ; чаще всего сердце ихъ ожесточается, дичаетъ въ погонѣ за добычей и во власти страстей; связь съ обществомъ утрачивается. Разнузданный индивидуализмъ, который страдаетъ отъ неудовлетворенности и ищетъ забвенія въ животныхъ наслажденіяхъ; болѣе высокіе, но крайне неопредѣленные порывы развить тщеславную силу, чтобы употребить ее на подвиги, невѣдомо какіе,—вотъ послѣднее слово произведеній Горькаго.

Я не забылъ, что онъ „обличаетъ“ и рисуетъ общество такъ мрачно лишь для того, чтобы достойные его разрушали, но онъ нигдѣ не указываетъ на планъ, по которому свѣтъ надо перестроить. Онъ самъ признается, что у него нѣтъ „строительнаго духа“, о которомъ такъ охотно говорятъ его философы. Онъ призываетъ и предсказываетъ царство разума,—но это будетъ разумъ сильнаго. На это указываютъ его любимыя лица: какъ бы свѣтъ ни былъ преобразованъ, онъ всегда окажется въ рукахъ

у разбойника, который его завоюетъ и покоритъ слабѣйшаго.

Это—скачокъ, безъ непосредственнаго перехода, къ прежнему аристократическому идеалу романтизма. Горькій демократизировалъ идеалъ, вотъ и все. Герои Пушкина и Лермонтова страдали отъ недовольства жизнью въ петербургскихъ салонахъ; благородные непонятые люди протестовали противъ свѣтской пошлости, ихъ геройская скука искала вдали независимости, подвиговъ и свободы страстей. Онѣгинъ и Печоринъ возрождаются въ своихъ плебейскихъ внукахъ: Челкашѣ, Сережкѣ, Коноваловѣ. Они утратили свое прирожденное изящество, промѣняли байроновскій плащъ на красную рубаху мужика; они ходятъ босикомъ, говорятъ на народномъ нарѣчіи, пьютъ водку вмѣсто шампанскаго; но въ общемъ они возвращаются къ намъ снизу все съ тѣмъ же больнымъ и тяжелымъ сердцемъ. Романтическій „левъ“ остается тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и прежде, какимъ мы его видимъ въ жизни, несмотря на приданное ему литературой обаяніе,— это молодое, эгоистичное, гордое и разнузданное животное.

Какъ узокъ кругъ, въ которомъ вращается нашъ умъ, жаждущій обновленія!—Узокъ и во времени, и въ пространствѣ. Я настаиваю на этомъ возрожденіи плохо скрытаго романтизма особенно потому, что это явленіе, помимо Горькаго, помимо Россіи, затронуло всю Европу и является особенностью писателей, которыми зачитывается молодежь.

Электричество открываетъ намъ безпредѣльные горизонты телеграфированіемъ безъ проводовъ. Ка-

жется, что подобныя таинственныя передачи возможны и въ умственной сферѣ. Между умами, значительно удаленными другъ отъ друга, подверженными различной культурѣ, происходитъ взаимодѣйствіе безъ видимой передачи; они выражаютъ одно и то же въ одно и то же время. Сопоставьте мысли трехъ типичнѣйшихъ писателей изящной словесности, пользующихся, каждый въ своей странѣ, въ настоящее время наибольшимъ успѣхомъ и наиболѣе любимыхъ молодежью; эти писатели выражаютъ стремленія послѣдней и сочувствуютъ ей, какъ это видно изъ ихъ произведеній и изъ развитія общественной жизни. Россія дала Максима Горькаго; Италія—Габріэля д'Аннунціо; Новая Англія—Рюдъярда Киплинга.

Первый изъ нихъ живетъ на Волгѣ, онъ съ трудомъ добылъ себѣ образованіе, онъ не приходитъ въ соприкосновеніе съ иностранной мыслью и, навѣрное, не знаетъ ни одной страницы двухъ другихъ. Англичанинъ, воспитанный въ Индіи, конечно, не прочелъ ни строчки изъ русскаго писателя, и я сомнѣваюсь, чтобы онъ справлялся объ итальянскомъ. Послѣдній писалъ, не читавъ Киплинга; если онъ и узналъ про Горькаго, то лишь недавно. Вѣроятно, онъ одинъ знаетъ Нитцше, ихъ общаго духовнаго отца. Тѣмъ не менѣе, эти три автора имѣютъ нѣкоторыя общія черты, которыя ихъ роднятъ между собою, черты чисто романтическія. Они—романтики по своему лиризму, по чувствамъ, которыми ихъ волнуетъ природа, по вкусамъ ко всему выдающемуся и оригинальному; но, главное,—по своимъ взглядамъ на человѣка и его назначеніе, по своему культу личности, силы, страсти, короче, по отсутствію нравствен-

ныхъ принциповъ (amoralité). Любой разсказъ Горькаго напоминаетъ повѣсти Киплинга: личности, обоими одинаково любимыя, одарены буйными и грубыми инстинктами, они одинаково любятъ бродить по свѣту, обладаютъ однимъ и тѣмъ же честолюбивымъ стремленіемъ покорить свѣтъ и такъ же мало заботятся о вопросахъ совѣсти, предоставляя это старой цивилизаціи. Д'Аннунціо менѣе демократиченъ, онъ предпочитаетъ болѣе благородную кровь и порочныя страсти семьи Борджіа; но онъ призналъ бы нѣкоторыя описанія Горькаго и его протесты противъ мѣщанства, его тирады о жизни „по красотѣ“: можно подумать, что статью, напечатанную въ „*Самарской Газетѣ*“ въ 1895 году, Горькій писалъ подъ диктовку итальянца, имени котораго онъ, можетъ быть, и не зналъ.

Кругъ подобныхъ писателей легко увеличить: нѣмецъ Гауптманъ подойдетъ къ нимъ свободно, Сенкевичъ—настоящій Александръ Дюма нео-романтизма. Я не говорю о Франціи: у насъ въ литературѣ такъ много прекрасныхъ представителей различныхъ ученій и различныхъ направленій въ искусствѣ, что трудно рѣшить, которые изъ нихъ лучше передаютъ національное воззрѣніе, если только таковое во Франціи существуетъ; французу трудно объ этомъ судить. Поэтому лучше воздержаться отъ обобщеній, они ведутъ къ произволу. Я выбралъ на трехъ конечныхъ пунктахъ Европы упомянутыхъ писателей, съ произведеніями которыхъ я хорошо знакомъ; конечно, я не стану утверждать, что столь сильные таланты одинаково выражаются, но читатель согласится со мною, что они восхваляютъ всѣ одинъ и

тотъ же типъ человѣка,—порой безчеловѣчнаго, — котораго можно назвать молодымъ варваромъ.

Они отрицаютъ идеалъ, съ трудомъ воздвигнутый моралистами прошлаго вѣка. Бѣдный XIX вѣкъ! Онъ думалъ, что способствуетъ усовершенствованію цивилизаціи; онъ воображалъ, что умирая, покинетъ ее болѣе раціональной, болѣе мягкой, защитницей слабыхъ. Но ученіе его людей слова померкло рядомъ съ житейскими уроками его же людей дѣла. Наши дѣти мало и плохо читаютъ гуманитарныя книги; взоръ ихъ привлекаютъ образы внѣ текста, образы, подстрекающіе отвагу и честолюбіе, великіе преобразователи, двигатели народовъ, жестокіе мѣсители человѣческаго тѣста: Наполеонъ, Бисмаркъ. Послѣдніе, будучи глашатаями права сильнаго, продолжаютъ плѣнять умы, обаяніе ихъ беретъ верхъ надъ убѣдительной силой всѣхъ идеологовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Изъ нихъ первый, болѣе театральный, сильно способствовалъ возникновенію прежняго романтизма; всѣ романтики страстно желали возвыситься до его величины; оттого игра ихъ воображенія напыщена и доходитъ до крайности. Второй, болѣе реальный, создалъ себѣ послѣдователей, явныхъ и тайныхъ, среди людей, руководящихъ народами. Не только успѣхъ ихъ вліяетъ на поэта и на философа; они сами указываютъ, какъ достичь этого успѣха и косвеннымъ образомъ овладѣваютъ мыслью и слогомъ.

У нео-романтиковъ нѣтъ ни иллюзій, ни наивности ихъ предковъ. Старики довольствовались словами и думали, что они возвышаются надъ обычными смертными, удовлетворяя чувственные инстинкты и

прихоти возмущенной гордости. Послѣдователи ихъ, воспитанные на наукѣ и закованные въ броню анализа, знаютъ, къ чему они стремятся, и почему. Чаще всего они властны и непокорны и хладнокровно обсуждаютъ „paucis humanum vivit genus“ стараго латинскаго поэта. Они говорятъ намъ, что слабые—презрѣнная глина, созданная для прекрасныхъ твореній сильнаго; они выставляютъ вѣскіе аргументы, и умы попадаютъ въ трагическое положеніе. Право и нравственность, повторяютъ устарѣлые философы, альтруизмъ и солидарность, интересы цивилизаціи... Интересъ расы, возражаютъ новые теоретики. Развѣ вы не видите, что расы не развиваются, воля изнемогаетъ, а вмѣстѣ съ нею и всѣ жизненныя силы? Помочь можетъ только дѣйствіе, а сильное дѣйствіе почти всегда внезапно и безправственно. Развѣ вы не знаете, что всѣ великія дѣла совершены великими людьми, и что нельзя считаться со средствами, которыми они пользовались для выполненія назначенной имъ цѣли?

Эти ужасныя дѣти тѣмъ болѣе сильны, что они противъ искусственныхъ, недавно построенныхъ и далеко не устойчивыхъ преградъ направляютъ природные инстинкты; иногда борятся противъ пустыхъ словъ, служившихъ пугаломъ. Мудрецы XIX-го вѣка часто строили на непрочной основѣ, провозглашали безсмертными тѣ принципы, изъ которыхъ они извлекали пользу. Сильные гуляки Киплинга и Горькаго, одинаково готовые отдать свои силы любому строю, однимъ ударомъ ноги опрокидываютъ постройки и съ усмѣшкой говорятъ мудрымъ проповѣдникамъ: „Прочь, старье! Нашъ міръ! Мы захва-

тимъ его, какъ вы его захватили. И у насъ будутъ свои Дантоны и свои Робеспьеры, можетъ быть, и Бонопарты, и Бисмарки: отчего имъ не быть основателями права, какъ и вашимъ?“ Такова теорія Маякина.

Такъ, на закатѣ вѣка, гордаго зажженными имъ свѣточами, въ ту минуту, какъ онъ, умирая, завѣщаетъ людямъ братство и солидарность, въ сумракѣ вздымается и кружится стая молодыхъ ястребовъ; ихъ рѣзкіе крики заглушаютъ мирныя слова умирающаго, ихъ когти готовятся терзать добычу, они призываютъ вѣтры урагана, чтобы испробовать свои крылья. Только ихъ шумъ и раздается на литературномъ небѣ; всѣ взгляды направлены на нихъ съ тайной надеждой. Развѣ они не говорятъ, что обладаютъ тайной жизни, которая скрыта въ силѣ? Человѣчество убѣждается въ томъ, что свѣтъ старыхъ учителей слабѣетъ; ему отвратительна слабость и оно идетъ на новую приманку.

Все это мечтанія поэтовъ, не имѣющія значительнаго вліянія на ходъ вещей, скажутъ люди уравновѣшенные, или думающіе такъ о себѣ. Очень можетъ быть, но въ такомъ случаѣ это было бы впервые, что невольный заговоръ многочисленныхъ читаемыхъ писателей, выражающихъ прочное чувство, остался бы безъ вліянія на общественное развитіе, на тѣ факты, въ которыхъ оно проявляется.

Максимъ Горькій является въ Россіи однимъ изъ самыхъ значительныхъ представителей распространеннаго образа мыслей. Поэтому мнѣ показалось, что стоитъ поглубже изучить его произведенія. Неужели я былъ введенъ въ заблужденіе обаяніемъ

таланта, противъ котораго нѣтъ защиты? Жалѣть объ этомъ я не стану, такъ какъ подобное заблужденіе—одно изъ лучшихъ. Я взялся за эту статью безъ предвзятой мысли, уступая чувству тамъ, гдѣ его вызывалъ авторъ, борясь съ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда разумъ требовалъ повѣрить испытываемое наслажденіе. А наслажденіе было бы еще больше, если бы сознательный пессимизмъ писателя не затемнилъ многихъ представленій о Россіи и о ея народѣ.

— „Кузьма“,—говоритъ мельникъ въ разсказѣ „*Тоска*“ своему засыпкѣ,—бродягѣ, какъ и другіе, который хочетъ бросить мельницу, потому что его тянетъ дальше, куда глаза глядятъ, на свободу...— „Кузьма, легкій ты... какъ пузырь; вонъ Митька у меня пускаетъ: надуетъ его на соломинку, а онъ весь этакій—радугой играетъ и летитъ, полетитъ и лопнетъ“... Горькій старается насъ убѣдить, что онъ самъ, его мысли, люди, о которыхъ онъ говоритъ и которые его слушаютъ,—тѣ же пузыри, которые взлетаютъ и лопаютъ тысячами на поверхности стоячаго болота, дремлющаго среди русскаго лѣса, или—удушливыя испаренія этихъ водъ, застоявшихся подъ слоемъ торфа, испорченныхъ вѣковымъ разложеніемъ органическихъ веществъ въ ихъ глубинѣ.— Мы ему не повѣримъ, но я все-таки убѣжденъ, что онъ является превосходнѣйшимъ представителемъ огромнаго числа родственныхъ ему душъ, всѣхъ послѣдователей его слова. Даже второстепенные русскіе писатели возбуждаютъ въ насъ любопытство именно потому, что они сильнѣе другихъ и вполнѣ точно передаютъ настроеніе толпы. Они поднимаются надъ

нею, какъ свѣтлые шары, отражая многія лица. Но насъ занимаетъ шаръ, отливающій блестящими тѣнями; его создатель пустилъ въ щедрую минуту: пожелаемъ, чтобы онъ держался, расширялся и поднимался; Горькій долженъ подняться выше, если онъ хочетъ получить наслѣдство великихъ предковъ.

Въ воображеніи моемъ встаетъ Левъ Толстой, и чудится мнѣ, что онъ пишетъ съ ложа страданій своихъ молодому человѣку то дивное письмо, которое самъ онъ получилъ отъ старика Тургенева, какъ завѣтъ власти надъ умами.—„Другъ мой, даръ вашъ—оттуда же, откуда мы все получаемъ“.—Или Русь ужъ очень измѣнилась, или Горькій долженъ иногда слышать изъ устъ своихъ наиболѣе ревностныхъ поклонниковъ ту просьбу, съ которой когда-то къ нему обращался его товарищъ Коноваловъ: „Максимъ! давай въ небо смотрѣть!“

Евгеній Мельхіоръ де-Вогюэ.

Revue des deux Mondes.
1 Августа 1901 года.

Ген. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

-18

М. В. ПИРОЖКОВЪ и К°.

Спб., Невскій пр., 88.

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ.

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ:

Бертранъ, Ж. Алгебра, въ переводѣ М. В. Пирожкова.
Часть I. Спб. 1899 г. Ц. 3 р. *).
Часть II. (Высшая Алгебра). Спб. 1901 г. Ц. 2 р. *).

Содержаніе: Глава I. **Дополненіе къ элементарной алгебрѣ** (ряды, сочетанія и биномъ Ньютона; о логариѳмахъ; повѣрка алгебраическихъ формулъ; методъ неопредѣленныхъ коэффиціентовъ).—Глава II. **Теорія производныхъ** (производныя отъ явныхъ функцій съ одною перемѣнною; изученіе функцій при помощи производныхъ; ряды для вычисленія логариѳмовъ и числа π).—Глава III. **Общая теорія уравненій** (основные принципы численныхъ уравненій какой-угодно степени; теорема Декарта; теорема Ролля; теорія равныхъ корней; соизмѣримые корни; теорема Штурма).—Глава IV. **Конечныя разности** (обозначенія и основныя формулы; интерполированіе; рѣшеніе численныхъ уравненій; рѣшеніе трансцендентныхъ уравненій).—**Приложеніе** (разложеніе раціональныхъ дробей на простѣйшія; мнимыя выраженія; рѣшеніе уравненій 3-ей степени; рѣшеніе системы двухъ уравненій 2-ой степени съ двумя неизвѣстными; нѣкоторыя замѣчательныя преобразованія; о рѣшеніи уравненій первой степени; непрерывныя дроби; методъ исключенія Безу и Эйлера).

Бертранъ, Ж. Ариѳметика, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

Пирожковъ, М. В. Ариѳметика ирраціональныхъ чиселъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пирожковъ, М. В. Дополнительныя статьи по Алгебрѣ. Курсъ 7-го и 8-го классовъ гимназій. Пособіе для готовящихся въ высшія техническія учебныя заведенія. Спб. 1900 г. Ц. 75 к. *).

Содержаніе: Теорія соединеній, биномъ Ньютона, непрерывныя дроби, неопредѣленныя уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, несоизмѣримыя (ирраціональныя) числа, задачи.

Серре (J.-A.). Прямолинейная тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб, 1902 г. Ц. 60 к. **).

Серре (J.-A.). Сферическая тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Ц. 40 к.

Серре (J.-A.). Дополненіе къ теоріи круговыхъ функцій, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Ц. 50 к.

Юмъ, Давидъ. Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія (An Inquiry concerning human understanding). Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Weyert, J. (Вейертъ, И.). Deutsches Lesebuch fur die obersten Klassen der russischen Mittelschulen. Abtheil. I. u. II. Preis des Heftes von 8—10 Druckbogen 35 Кор. 1902 г.—**Нѣмецкая книга** для чтенія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. I и II. Цѣна каждаго выпуска 35 к.

*) Одобрено **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. для фундам. библ. всѣхъ средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв. и для ученич. библ. старшаго возраста мужск. гимн. и реальн. училищъ; рекомендовано **Главнымъ Управленіемъ** воен.-учебн. завед. для фундам. библ. кадетскихъ корпусовъ.

) Допущено **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ качествѣ **руководства** для средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв.

Доз. ценз. Спб. 8 ноября 1902 г. Тип. Колпинскаго. Конная 3—5.